

НАМ НУЖНО ПОГОВОРИТЬ О СЛОНАХ В КОМНАТЕ

(И ПОЧЕМУ ИХ ИГНОРИРОВАНИЕ
УВЕКОВЕЧИВАЕТ РАЗРУШЕНИЕ
БИОРАЗНООБРАЗИЯ)

СОДЕРЖАНИЕ

Об этом докладе

Основные положения

Введение

Лим Ли Лин и Лим Ли Чинг, Third World Network

01 Первый слон

Когда финансовая стабильность зависит от разрушения биоразнообразия

Одри Ирвин-Брок и Джессика Демпси, Университет Британской Колумбии

02 Второй слон

Финансирование разрушения биоразнообразия остаётся законным, прибыльным и слабо регулируемым

Том Пикен, Rainforest Action Network / Forests & Finance

03 Третий слон

Правовая система ставит права корпораций выше экологического регулирования

Неле Мариен, Friends of the Earth International

04 Четвёртый слон

Рыночные инструменты финансирования биоразнообразия способствуют его разрушению

Мирна Инес Фернандес Прадель, Third World Network

Размышление

Может ли финансирование биоразнообразия стать преобразующим без противодействия власти и неравенству?

Эйтор Делласта, Global Youth Biodiversity Network

Размышление

Отвечает ли финансирование биоразнообразия своему назначению?

Амелия Аррегин Прадо, Женская группа КБР и Гендерная рабочая группа CEESP МСОП

ОБ ЭТОМ ДОКЛАДЕ

Этот доклад представляет собой сборник аналитических материалов, посвящённых некоторым «слонам в комнате»¹ — проблемам, которые не рассматриваются или, во всяком случае, рассматриваются недостаточно в системе международного управления в области биоразнообразия, прежде всего в рамках Конвенции о биологическом разнообразии (КБР). И это несмотря на то, что именно они представляют собой глубинные структурные и коренные причины разрушения биоразнообразия.

В октябре 2026 года Стороны КБР собираются в Ереване, Армения, на семнадцатое совещание Конференции Сторон (КС-17). Один из ключевых вопросов повестки — первый глобальный обзор коллективного прогресса в осуществлении Куньминско-Монреальской глобальной рамочной программы в области биоразнообразия (ГРПБ). Хотя окончательные итоги глобального обзора будут предметом переговоров на КС-17 в Ереване, он может использоваться для определения направлений и приоритетов дальнейшей работы по устранению пробелов, трудностей и препятствий, а также для выявления возможностей ускорить коллективный прогресс в осуществлении программы и обеспечении средств её осуществления.

Глобальный обзор в значительной степени опирается на национальные доклады Сторон КБР и глобальный доклад о коллективном прогрессе в достижении целей и выполнении задач ГРПБ. Глобальный доклад под названием «Состояние действий в области биоразнообразия» (State of Biodiversity Action) был опубликован непосредственно перед КС-17. Основное внимание глобального обзора уделяется недостаточному осуществлению ГРПБ Сторонами КБР. Это включает выполнение обязательств развитых стран по предоставлению развивающимся странам средств осуществления — необходимых финансовых ресурсов, передачи технологий и укрепления потенциала.

Эти вопросы важны. Однако без устранения фундаментальных глубинных причин разрушения биоразнообразия невозможно реализовать достойные поддержки концепцию и миссию ГРПБ.

Поэтому данный доклад анализирует то, чего недостаёт в глобальном докладе и глобальном

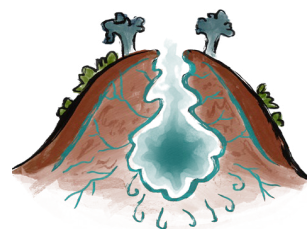
обзоре, — «слонов в комнате». За этими «слонами» стоят коренные причины разрушения биоразнообразия: правила экономической и финансовой системы, вредные финансовые потоки, захват регулирования корпорациями и изъяны рыночной логики применительно к биоразнообразию.

Мы не сможем успешно преодолеть кризис биоразнообразия, пока эти «слоны» остаются без внимания. Сколько бы средств ни направлялось на биоразнообразие и сколько бы усилий ни предпринималось для осуществления ГРПБ, природа будет продолжать разрушаться, если бороться лишь с симптомами, а не с коренными причинами.

Доклад также включает взгляды молодёжи и женщин: авторы размышляют о некоторых «слонах в комнате» и предлагают иные подходы к пониманию проблем, основанные на равенстве, гендерной справедливости и преобразующих изменениях.

Доклад опубликован организациями Third World Network, Friends of the Earth International и Rainforest Action Network в сотрудничестве с Global Youth Biodiversity Network и Женской группой КБР (CBD Women's Caucus).

Мы благодарим всех, кто помог подготовить этот доклад: редактора Энн Дозерти; Роберто Биссио, переводчика на французский и испанский языки; Аурору Гомес Эспиносу, иллюстратора и специалиста по вёрстке; а также Норму Фавелу Перес, редакционного дизайнера и верстальщика.

¹ «Слон в комнате» — очевидная проблема, которую никто не хочет обсуждать.

<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/elephant-in-the-room>

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Нам нужно поговорить о слонах в комнате

- **Мир столкнулся с поликризисом, корнящимся в несправедливой модели.** Утрата биоразнообразия, климатический кризис и загрязнение — взаимосвязанные симптомы системы, которая поощряет краткосрочную добычу ресурсов и прибыль немногих, ставя экономический рост выше социального и экологического благополучия всех.
- **«Слоны в комнате» — структурные коренные причины разрушения биоразнообразия — остаются без внимания.** Глобальный обзор не рассчитан на рассмотрение этих вопросов, а его сосредоточенности на пробелах в осуществлении и финансировании недостаточно. Устранение симптомов без преодоления более глубоких структурных причин не остановит утрату биоразнообразия и причинение вреда людям. Для реальных системных и преобразующих изменений необходимо изменить экономические и финансовые условия и противостоять влиятельным лоббистским группам и отраслям.
- **Необходим справедливый экологический переход.** Кризис имеет колониальные корни, и те, кто меньше всего способствовал его возникновению, несут самое тяжёлое бремя. Историческое перемещение богатств и ресурсов лежит в основе глубокого глобального неравенства, которое и сегодня сохраняется между странами и внутри них. «Слоны в комнате» опираются на несправедливые системы эксплуатации и контроля и создают «дефицит справедливости», который необходимо признать и преодолеть.

Первый слон: когда финансовая стабильность зависит от разрушения биоразнообразия

- **Стремление к финансовой стабильности зависит от экстрактивизма.** Глобальные экономические правила и международная

финансовая архитектура ставят стремление к краткосрочной финансовой стабильности в прямое противоречие с долгосрочным экологическим благополучием. Эти правила и нормы могут вынуждать правительства допускать экстрактивизм — концентрированное массовое изъятие ресурсов преимущественно на экспорт, выгоды от которого в основном накапливаются далеко от мест добычи. Условия долгового финансирования, валютная иерархия, инвестиционное право и мобильность капитала подталкивают правительства, особенно на Глобальном Юге, расширять сырьевые отрасли, чтобы получать иностранную валюту и сохранять инвестиционную привлекательность.

- **Нужно добиться общего признания того, что международная финансовая архитектура определяет результаты в области биоразнообразия.** Пока система поощряет экстрактивизм и наказывает за охрану окружающей среды, обещания правительств остановить утрату биоразнообразия будут завышенными, а усилия — подорванными. Конвенция о биологическом разнообразии не может изменить эти правила в одиночку, но должна прямо указывать на соответствующие институты и нормы и добиваться их согласования с Куньминско-Монреальской глобальной рамочной программой в области биоразнообразия.

Второй слон: финансирование разрушения биоразнообразия остаётся законным, прибыльным и слабо регулируемым

- **Вредное финансирование многократно превосходит финансирование природы.** Государственные и частные потоки, вызывающие утрату биоразнообразия и оценённые в 7,3 трлн долларов США за 2023 год, превышают финансирование биоразнообразия в соотношении 33:1; для одного только частного финансирования это

соотношение достигает 213:1. Эти потоки связаны с серьёзным экологическим ущербом и нарушениями прав, особенно коренных народов и местных общин, но остаются законными, прибыльными и слабо регулируемы. Добровольное раскрытие информации и обязательства в области устойчивости не заменяют обязательных правил.

- **Нужно перейти от мобилизации финансов к управлению ими.** Необходимо выйти за рамки узкой задачи привлечения дополнительных ресурсов и начать регулировать уже существующие финансовые потоки. Правительства должны выполнять обязательства по государственному финансированию, справедливо реформировать вредные субсидии и устанавливать обязательные правила, требующие от всех финансовых учреждений прекратить финансирование разрушения биоразнообразия и нарушений прав, обеспечивая ответственность и возмещение в случае причинения вреда.

Третий слон: правовая система ставит права корпораций выше экологического регулирования

- **Прибыль инвесторов ставится выше экосистем и людей.** Корпоративные интересы систематически получают преимущество перед правами общин и экологическими потребностями. Корпорации могут подавать иски против государств в рамках процедур урегулирования споров между инвестором и государством из-за природоохранных мер и добиваться огромных компенсаций — например, 5,8 млрд долларов США по делу против Пакистана. Это истощает государственные ресурсы и вызывает «сдерживающий эффект для регулирования», серьёзно отбивая у правительств желание усиливать меры по сохранению биоразнообразия. В целом корпорации топливной и горнодобывающей отраслей выигрывают за счёт стран Глобального Юга, выступающих ответчиками примерно в 62% дел. В конечном счёте под угрозой оказываются коренные народы и местные общины.

- **Правовые системы необходимо изменить так, чтобы жизнь была на первом месте.** Они должны служить людям и природе, а не корпоративным интересам. Государствам следует прекращать действие инвестиционных договоров или исключать из них положения об урегулировании споров между инвестором и государством; признавать при конфликте юридическое верховенство экологических обязательств и обязательств в области прав человека над торговыми и инвестиционными соглашениями; защищать экологических правозащитников, коренные народы и местные общины. Хотя правовые системы обсуждаются на множестве площадок, роль Конвенции о биологическом разнообразии — выявлять и устранять их воздействие на биоразнообразие.

Четвёртый слон: рыночные инструменты финансирования биоразнообразия способствуют его разрушению

- **Рыночная логика несостоятельна применительно к биоразнообразию.** Рыночные инструменты с трудом привлекают финансирование в необходимом масштабе; они нередко усиливают социальный и экологический ущерб и превращают природу в торгуемый актив. В частности, компенсационные меры в сфере биоразнообразия легитимизируют продолжающееся разрушение, откладывают регулирование и позволяют странам Глобального Севера создавать видимость действий, уклоняясь от финансовых обязательств. Перенос ответственности с государственного регулирования на частных участников, эти инструменты создают новых победителей — посредников — и проигравших — местные общины и экосистемы.
- **Настоящие решения лежат за пределами рынка.** Приоритеты — прямой доступ к финансированию для хранителей биоразнообразия, прекращение вредного финансирования, реформа международной финансовой архитектуры и регулирование разрушительных отраслей. Цель — не сделать природу привлекательной для финансовых рынков, а превратить охрану биоразнообразия в безусловную обязанность государства.

Размышления

- **Финансы усиливают глубинные причины утраты биоразнообразия.**

Концентрация экономической власти определяет, кто принимает решения, кто получает выгоды и чьи знания учитываются, тогда как коренные народы, местные общины, женщины и молодёжь сталкиваются с исключением и недостаточным финансированием. Чрезмерный акцент на устранении «дефицита финансирования» заслоняет необходимость реформы самой финансовой системы. Для системных изменений необходимы равенство и справедливость в принятии решений и распределении финансовых ресурсов.

- **Содержательное участие и прямой доступ имеют решающее значение.**

Правообладателям необходимо постоянное официальное представительство в органах управления финансовых учреждений и фондов. Специальные механизмы прямого доступа с поддержкой подготовки и гибким долгосрочным финансированием позволят коренным народам, местным общинам, женщинам и молодёжи выступать движущей силой изменений в охране природы и управлении.

- **Следует спросить, как финансы могут служить жизни, а не как природа может**

служить финансам. Превращение природы в «инвестиционно привлекательный» объект — неверный ответ на кризис биоразнообразия. Финансовые системы и потоки необходимо преобразовать в рамках более широкой трансформации экономических систем, чтобы они поддерживали экологическое и социальное воспроизводство, а не просто мобилизовали капитал или создавали денежную стоимость природы. Нужны четыре сдвига: переосмысление ценности за пределами рыночной стоимости; регулирование и обеспечение соблюдения экологических пределов; перенаправление существующих вредных потоков; перераспределение ресурсов и власти.

- **Нужно финансировать условия, поддерживающие биоразнообразие.**

Финансирование должно напрямую поступать женщинам, коренным народам и местным общинам и поддерживать социально-экономические условия и труд по заботе об экосистемах, от которых зависит ответственное управление природой, не превращая этот труд в товар. В конечном счёте цель, управление и использование финансов не должны определяться коллективным пониманием того, что поддерживает жизнь.

ВВЕДЕНИЕ

Лим Ли Лин и Лим Ли Чинг / Third World Network

Мир столкнулся с поликризисом — единым комплексом взаимосвязанных кризисов, корни которого лежат в господствующей глобальной экономической модели. Разрушение биоразнообразия, климатический кризис, загрязнение и другие социально-экологические кризисы — не отдельные явления, с которыми можно бороться изолированно. Это разные проявления одних и тех же глубинных движущих сил, которые взаимно усиливаются и ускоряются.

В основе этого кризиса — модель развития, последовательно ставящая экономический рост и прибыль немногих выше интересов людей и нашей планеты. Экосистемы деградируют, коренные народы и местные общины вытесняются со своих земель, а атмосфера используется как свалка. Причина в том, что господствующая экономическая система поощряет краткосрочное извлечение ресурсов и накопление, а не долгосрочное выживание и благополучие.

Для эффективного противодействия утрате и разрушению биоразнообразия необходимо устранить структурные и коренные причины поликризиса. Нельзя обратить коллапс биоразнообразия вспять, леча его симптомы и оставляя причины нетронутыми.

Однако слишком часто внимание сосредоточено на прямых факторах утраты биоразнообразия — изменении использования суши и моря, чрезмерной эксплуатации, загрязнении, инвазивных видах и изменении климата — видимых конечных звеньях гораздо более длинной причинной цепи. Эти симптомы и их последствия для общин, первыми испытывающих разрушение, требуют неотложных мер. Но необходимо обращать внимание и на более глубокие причины, приводящие в движение всю систему: мировоззрение, основанное на отделённости от природы и других людей и господстве над ними; несправедливую концентрацию власти и богатства; экономические и социальные системы,

ставящие краткосрочную индивидуальную и материальную выгоду превыше всего.² Хотя это не абстрактные и не второстепенные факторы, а сам «машинный отсек» кризиса, нынешние политические меры в основном оставляют их нетронутыми.

Финансировать охрану природы, не затрагивая глубинные причины чрезмерной добычи и неустойчивого перепроизводства, извлечения сверхприбыли из экстрактивизма и сверхпотребления глобальных элит, — по сути, значит игнорировать слонов в комнате.³ **Кризис трактуется как дефицит осуществления и финансирования, который нужно устранить, а не как структурное попрание равенства и**

² IPBES (2024). Тематический доклад об оценке глубинных причин утраты биоразнообразия и факторов, определяющих преобразующие изменения, и вариантов достижения Концепции в области биоразнообразия на период до 2050 года Межправительственной научно-политической платформы по биоразнообразию и экосистемным услугам. <https://doi.org/10.5281/zenodo.11382215> (Оценка преобразующих изменений).

³ «Слон в комнате» — очевидная проблема, которую никто не хочет обсуждать. <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/elephant-in-the-room>

справедливости и цивилизационная несостоятельность, требующие исправления.

Назвать глубинные движущие силы: слоны в комнате

В этом докладе мы сосредоточены на четырёх различных «слонах в комнате», которые не рассматриваются или, во всяком случае, не получают прямого и полноценного рассмотрения в международной системе управления в области биоразнообразия, прежде всего в рамках Конвенции о биологическом разнообразии (КБР).

Первый слон — правила глобальной экономической и финансовой системы, активно стимулирующие добычу ресурсов в ущерб социальным и экологическим приоритетам. Государства, оказавшиеся внутри этой системы, вынуждены непрерывно бежать на месте. Многие из них структурно подталкиваются к сохранению и расширению сырьевых отраслей ради финансовой стабильности и инвестиционной привлекательности, обслуживая долг и уравнивая внешние счета в системе, правила которой они не писали и не могут легко изменить.

Второй слон — вредные финансовые потоки, частные и государственные, продолжающие поступать в отрасли, вызывающие утрату биоразнообразия. Мобилизацию ресурсов для биоразнообразия нельзя сводить к поиску нового финансирования; она должна также противостоять значительно большим потокам вредного финансирования, которые уже действуют. Именно эти финансы обеспечивают, удешевляют, страхуют или легитимизируют деятельность, разрушающую биоразнообразие, и никакой объём нового «зелёного» финансирования не сможет их перевесить, пока проблема остаётся нерешённой.

Третий слон — захват корпорациями институтов и законов, призванных управлять этой системой. Могущественные корпорации и деловые круги формируют глобальные и национальные институты, законы и политику в собственных интересах: давят на регуляторов, заставляя подстраивать стандарты под существующие производственные модели; угрожают переносом производства при ужесточении стандартов; используют такие инструменты, как

урегулирование споров между инвестором и государством (ISDS), чтобы подавать иски против правительств, пытающихся усилить охрану окружающей среды. В результате права корпораций фактически ставятся выше экологического регулирования.

Четвёртый слон — превращение самого кризиса в финансовую возможность для обогащения немногих, чему способствует рыночная логика, несостоятельная применительно к природе. Разрастающаяся индустрия рыночных «решений» — компенсационных мер и кредитов в сфере биоразнообразия, зелёных облигаций, механизмов частного и смешанного финансирования — преподносится как источник средств для биоразнообразия. На практике эти схемы не обеспечивают необходимого финансирования и часто усиливают социальный и экологический ущерб. У этих ложных решений есть и дополнительная функция: они позволяют странам Глобального Севера создавать видимость действий, в действительности обходя свои финансовые обязательства перед Глобальным Югом.

Все четыре «слона» действуют сообща, защищая интересы тех, кто получает прибыль от разрушения биоразнообразия. Ни одна стратегия преодоления кризиса биоразнообразия не будет успешной, пока эти участники, движущие силы и наделяющие их властью структуры остаются неназванными и не встречают противодействия.

От выявления слонов к выработке решений

На международном уровне КБР — юридически обязательный договор, посвящённый вопросам биоразнообразия. Почти всеобщее участие делает её ключевым международным ответом на кризис биоразнообразия.

Кульминско-Монреальская глобальная рамочная программа в области биоразнообразия (ГРПБ) — стратегический план КБР до 2030 года. Первый глобальный обзор коллективного прогресса проводится на КС-17 в 2026 году, на середине срока осуществления ГРПБ.

ГРПБ не рассматривает системные и коренные причины разрушения биоразнообразия прямо и всесторонне. Вместо этого основное внимание

уделяется прямым факторам его утраты, а в обсуждениях КБР доминирует более узкий и удобный нарратив: главные препятствия для полного осуществления ГРПБ — «дефицит финансирования» и «дефицит осуществления».

Все Стороны КБР принимают на себя ряд обязательств. Однако обязательства по предоставлению финансовых ресурсов дифференцированы. Развитые страны — Стороны Конвенции юридически обязаны предоставлять новые и дополнительные финансовые ресурсы, чтобы развивающиеся страны — Стороны могли покрыть расходы на выполнение своих обязательств по Конвенции. Эти финансовые обязательства до сих пор не выполнены, а потребность в финансировании биоразнообразия весьма реальна для стран Глобального Юга, на территории которых сосредоточена большая часть мирового биоразнообразия и которые несут более тяжёлое бремя осуществления. КБР ясно указывает, что степень эффективного выполнения развивающимися странами своих обязательств будет зависеть от эффективного выполнения развитыми странами обязательств, связанных с финансовыми ресурсами и передачей технологий. Так выражен принцип общей, но дифференцированной ответственности.

Без средств осуществления, включая предоставление финансовых ресурсов, на Глобальном Юге сохранится дефицит осуществления. Эту реальность необходимо признать и изменить. Но представление кризиса преимущественно как коллективной неспособности мобилизовать достаточные ресурсы и недостаточного осуществления ГРПБ игнорирует слонов в комнате — системные и структурные сбои, увековечивающие разрушение биоразнообразия. Оно также помогает развитым странам уклоняться от юридических обязательств по предоставлению финансовых ресурсов и избегать строгого регулирования своих компаний и финансовых учреждений.

Поэтому вопрос состоит не только в том, как мобилизовать больше средств, но и в том, для чего они будут использованы. Охрана биоразнообразия требует работоспособных государственных институтов, способных регулировать вредную экономическую

деятельность, обеспечивать соблюдение природоохранных требований, планировать и инвестировать на долгий срок, а также управлять финансовыми потоками в общественных интересах. Необходимо также укреплять права, институты и ресурсы коренных народов и местных общин, которые управляют биоразнообразием и заботятся о нём. Поэтому финансирование биоразнообразия следует оценивать не только по объёму мобилизованного капитала, но и по тому, расширяет ли оно государственные и общинные возможности, необходимые для справедливого экологического перехода.⁴ Иными словами, нужно оценивать, как используются средства и какие меры осуществления они обеспечивают.

Сама ГРПБ предусматривает различные возможные направления финансирования биоразнообразия. Задача 19 включает обязательства увеличить международные и внутренние государственные ресурсы, расширить коллективные действия, в том числе коренных народов и местных общин, поддерживать действия, ориентированные на Мать-Землю, и нерыночные подходы. Однако значительная часть дискуссии о финансировании биоразнообразия сосредоточена на элементах задачи 19, связанных с привлечением частного финансирования и разработкой «инновационных схем», таких как платежи за экосистемные услуги, зелёные облигации, компенсационные меры и кредиты в сфере биоразнообразия. Эти подходы, продвигаемые для восполнения «дефицита финансирования», неоднократно не обеспечивали требуемого масштаба средств.⁵ Более того, во многих случаях они усугубляли экологический и социальный ущерб.

Если серьёзно отнестись к выявленным в этом докладе слонам в комнате, дискуссия сможет выйти за рамки исключительного внимания к дефициту финансирования и осуществления и перейти к реальному устранению коренных причин разрушения биоразнообразия. **Это**

⁴ Mazzucato, M. and Vieira de Sá, R. (2025). Mind the Mission, Not the Gap: Rethinking blended finance for public purpose [Главное — миссия, а не дефицит: переосмысление смешанного финансирования в общественных интересах]. IIPP Policy Brief 34. London: UCL Institute for Innovation and Public Purpose.

⁵ Dempsey, J., Irvine-Broque, A., Christiansen, J. and Bigger, P. (2024). Thin and Shallow: Financial Instruments for Biodiversity Conservation and Their Outlook [Мало и поверхностно: финансовые инструменты сохранения биоразнообразия и их перспективы]. Penang: Third World Network.

означает действия по преобразованию финансовых условий, противостоянию влиятельным лоббистским группам и отраслям и осуществлению реальных системных и преобразующих изменений.

Некоторые задачи ГРПБ могут помочь начать решение этих вопросов: задача 14 — об интеграции ценностей биоразнообразия в отрасли и управление для снижения воздействия вредной деятельности и финансовых потоков; задача 15 — о воздействиях, рисках и зависимости бизнеса и финансовых учреждений; задача 16 — о справедливом потреблении; задача 18 — о сокращении вредных и расширении позитивных стимулов. Но глобальный доклад о коллективном прогрессе, лежащий в основе первого глобального обзора ГРПБ, относит эти задачи к наименее успешно выполняемым. Очевидно, необходимо гораздо больше действий, особенно на национальном уровне.

Что ещё важнее, ни глобальный доклад, ни глобальный обзор не предназначены для противодействия этим слонам в комнате: международной финансовой архитектуре, богатым и влиятельным участникам, вредным финансовым потокам, корпоративному захвату законов, политики и институтов и описанным в этом докладе ложным финансовым решениям. Процесс обзора, который не замечает и не называет этих участников и движущие силы, не может привлечь их к ответственности.

Следующий глобальный обзор состоится на КС-19. Станет ли он поворотным моментом, когда начнут эффективно бороться с разрушением биоразнообразия, зависит от того, будут ли предприняты серьёзные усилия для решения проблем многочисленных слонов в комнате.

Об истоках поликризиса

Кризис биоразнообразия невозможно понять и преодолеть, не обратившись к его историческим истокам. Колониализм, эксплуатация и извлечение ресурсов из Глобального Юга в пользу Глобального Севера создали и сконцентрировали богатство и власть, которыми сегодня пользуются промышленно развитые страны. Эти закономерности проявляются и в сохраняющемся влиянии сырьевых отраслей и внутренних элит, при котором многие

глобальные цепочки поставок обогащают немногих, не принося пользы на местах. Леса, полезные ископаемые, труд и земля продолжают присваиваться у Юга, коренных народов и местных общин, чтобы поддерживать рост на Севере и наполнять карманы мировой элиты. Это историческое перемещение богатств и ресурсов — не примечание к кризису, а его центральная составляющая. Оно лежит в основе глубокого глобального неравенства, которое и сегодня сохраняется между странами и внутри них.

Важный аспект эволюции этого неравенства — изменение соотношения государственного и частного богатства. В мире частное богатство выросло примерно с 350% мирового дохода в 1995 году до более чем 500% в 2025 году, тогда как государственное богатство в целом оставалось на уровне около 80–90%.⁶ Этот растущий дисбаланс важен для справедливого экологического перехода: обществу нужны не только инвестиции, но и правительства и общины, располагающие ресурсами, институтами и экономическими возможностями для управления рынками, регулирования вредной деятельности и долгосрочных вложений.

Вместо исправления этого неравенства глобализация и неравноправные структуры глобальной экономической системы ещё больше его закрепили. Торговые правила, международная финансовая архитектура, режимы интеллектуальной собственности и инвестиционные соглашения формировались преимущественно Глобальным Севером и его корпорациями в их собственных интересах, закрепляя те самые асимметрии власти и богатства, которые были изначально созданы колониализмом. Нынешняя система сохраняет эти дисбалансы за счёт большинства человечества и будущих поколений.

В результате возникла глобальная система, в которой страны и общины, меньше всего способствовавшие социальному и экологическому кризису, несут самое тяжёлое бремя, а те, кто несёт наибольшую ответственность, продолжают непропорционально контролировать её правила и ресурсы. Любой убедительный ответ

⁶ World Inequality Lab (2026). World Inequality Report 2026 [Доклад о мировом неравенстве 2026]. Paris: World Inequality Lab.

на кризис должен поставить преодоление этой несправедливости во главу угла.

Дефицит справедливости: необходимость справедливого экологического перехода

В следующих аналитических материалах предлагаются рекомендации по решению проблем каждого из выявленных нами слонов. Но через все эти проблемы проходит одна общая пропасть — зияющий «дефицит справедливости» (см. врезку).

Проявления дефицита справедливости

Страны Глобального Севера несут подавляющую долю исторической и нынешней ответственности за эти кризисы. Однако они не принимают по-настоящему значимых мер и не предоставляют в достаточном объёме финансовые ресурсы, необходимые Глобальному Югу для противодействия кризисам. У них есть экологический долг перед остальным миром.

Страны Глобального Севера продолжают сверхпотребление, стимулируя добычу ресурсов и утрату биоразнообразия. Одновременно они перекладывают ответственность — в том числе добиваясь решительных действий от стран Глобального Юга, многие из которых бедны и недостаточно развиты, — не выполняя собственных финансовых обязательств. Использование биоразнообразия для удовлетворения человеческих потребностей должно быть устойчивым, равноправным и справедливо распределённым.

Хотя коренные народы и местные общины лучше всех заботятся о биоразнообразии и меньше всего способствуют климатическому кризису, разрушению биоразнообразия и загрязнению, именно они сильнее всего страдают от этих проблем. При этом их ресурсы и связанные с ними традиционные знания эксплуатируются ради финансовой выгоды корпорациями и другими участниками при крайне слабой действенной защите их прав и без справедливого совместного использования выгод.

Корпоративные участники делают возможным разрушение биоразнообразия и извлекают выгоду из действующих правил игры, не неся полной ответственности за свои действия и их последствия для людей и природы. По мере того как экономические ресурсы всё больше сосредотачиваются в частных, а не государственных руках, всё большая экономическая власть оказывается вне прямого демократического контроля. При этом возможности государства и общин регулировать частные финансы и направлять инвестиции в общественных интересах отстают.

Хотя экологические правозащитники находятся на переднем крае охраны биоразнообразия, они остаются крайне уязвимыми перед нападениями, преследованиями, запугиванием, пытками и убийствами.

Женщины и девочки, особенно из коренных народов и местных общин, играют решающую роль в управлении экосистемами и их охране, однако сильнее всего страдают от неблагоприятных последствий и подвергаются системному исключению и дискриминации.

Последствия для детей, молодёжи и будущих поколений огромны: им предстоит унаследовать необратимые результаты деградации окружающей среды, хотя они почти или вовсе не участвовали в создании кризиса биоразнообразия.

Преодоление дефицита справедливости требует, чтобы правительства действовали в общественных интересах на основе подхода, в центре которого — равенство, справедливость и права. Это неизбежно предполагает решение проблем слонов в комнате, выявленных в данном докладе, а также выявление интересов тех, кто наживается на разрушении биоразнообразия, и противодействие им. КБР может начать работу по некоторым из этих направлений, прежде всего через заявленные в ГРПБ подходы, основанные на правах человека, учитывающие гендерные аспекты и интересы разных поколений, и через выполнение соответствующих задач. Но этого явно недостаточно: сама ГРПБ не рассматривает эти вопросы прямо и всесторонне, а КБР в одиночку не может полностью преобразовать

экономическое и финансовое управление или корпоративное регулирование. Однако для перестройки неравноправных структур, благоприятствующих немногим и предоставляющих им привилегии, она может назвать слонов, вступить с ними в противостояние и влиять на площадки, где устанавливаются правила игры.

В то же время нужна другая система — более справедливая, перераспределяющая ресурсы и возмещающая ущерб. Она должна позволить странам Глобального Юга восстановить

экономический суверенитет и создать государственные и общинные институты и потенциал, необходимые для управления справедливым экологическим переходом. Такая система должна также оставлять пространство для экологической политики в интересах устойчивого и справедливого человеческого развития и защищать права коренных народов, местных общин, женщин, молодёжи и крестьян. Настало время справедливого экологического перехода к обновлённой модели развития, живущей в гармонии с Матерью-Землёй и народами всего мира.

ПЕРВЫЙ СЛОН

КОГДА ФИНАНСОВАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ ЗАВИСИТ ОТ РАЗРУШЕНИЯ БИОРАЗНООБРАЗИЯ

Одри Ирвин-Брок и Джессика Демпси / Университет Британской Колумбии

Правительства всего мира договорились остановить и обратить вспять утрату биоразнообразия. Многие также признают в своей национальной политике, что такие сырьевые отрасли, как горнодобывающая промышленность, добыча ископаемого топлива, промышленное сельское и лесное хозяйство, относятся к ведущим факторам разрушения экосистем. И всё же эти же правительства часто продолжают одобрять, субсидировать и стимулировать эти отрасли и их разрушительное воздействие на окружающую среду. Почему?

Это противоречие часто объясняют недостатком политической воли, координации, технического потенциала или финансирования охраны природы. Такие объяснения важны, но неполны. Правительства сталкиваются с неодинаковыми препятствиями на пути реформирования сырьевых отраслей, вредящих биоразнообразию, отчасти из-за международного политико-экономического давления, формирующего внутреннюю политику. Оно включает не только условия долгового финансирования, стимулирующие добычу, но и налоговые правила и нормы, инвестиционное право и валютную иерархию, которая вынуждает страны добывать иностранную валюту, особенно доллары США, ради поддержания финансовой стабильности. Хотя это давление и эти нормы не запрещают правительствам напрямую снижать воздействие экологически вредных отраслей, они могут сделать такие действия более рискованными и дорогостоящими. В результате долгосрочное экологическое благополучие вступает в противоречие с поддержанием краткосрочной финансовой стабильности (см. рисунок 1).

Правительства несут большую ответственность за санкционируемое ими разрушение окружающей среды и за внутренние условия, затрудняющие

реформы. Внутренние лоббистские блоки, власть отраслей, захват регулирования и влияние элит способны ограничить усилия по защите таких общественных благ, как биоразнообразие и здоровая окружающая среда. Но эти внутренние факторы действуют внутри более широкой международной системы, включающей многосторонние банки развития и Международный валютный фонд (МВФ), разветвлённые правовые и политические рамки, разнообразные правила и нормы. Эта международная финансовая архитектура постоянно сужает пространство для принятия экологически обоснованных решений.

Вот он, слон в комнате: цели в области биоразнообразия требуют от правительств остановить разрушение, тогда как глобальное экономическое управление часто вынуждает эти же правительства допускать дальнейшую утрату биоразнообразия.

Рисунок 1: Структурные факторы утраты биоразнообразия

Структурные факторы утраты биоразнообразия

Источник: Dempsey, J., Irvine-Broque, A., Gaster, T., Steichen, L., Bigger, P., Duque, A.C., Linett, A., Porto Ferreira, G. and Kaechele, N. (2024). Exporting Extinction: How the international financial system constrains biodiverse futures [Экспорт вымирания: как международная финансовая система ограничивает будущее, богатое биоразнообразием]. UBC Centre for Climate Justice, Climate and Community Project & Third World Network. <https://bit.ly/extinction-report>

Две трети развивающихся экономик зависят от сырьевых товаров: 60% или более их товарного экспорта составляют такие сырьевые товары, как соя, никель или нефть. Сырьевой экспорт позволяет этим правительствам держаться на плаву в международной финансовой системе, которая и без того делает их более уязвимыми и подверженными нестабильности. Обязательства расширять такие отрасли могут помочь привлечь иностранные инвестиции, получать валюту, обслуживать внешние долги, оплачивать жизненно важный импорт и избегать финансовых кризисов. Столкнувшись с бюджетными или финансовыми проблемами, страны часто ещё сильнее опираются на эти отрасли, рассчитывая с их помощью вернуть

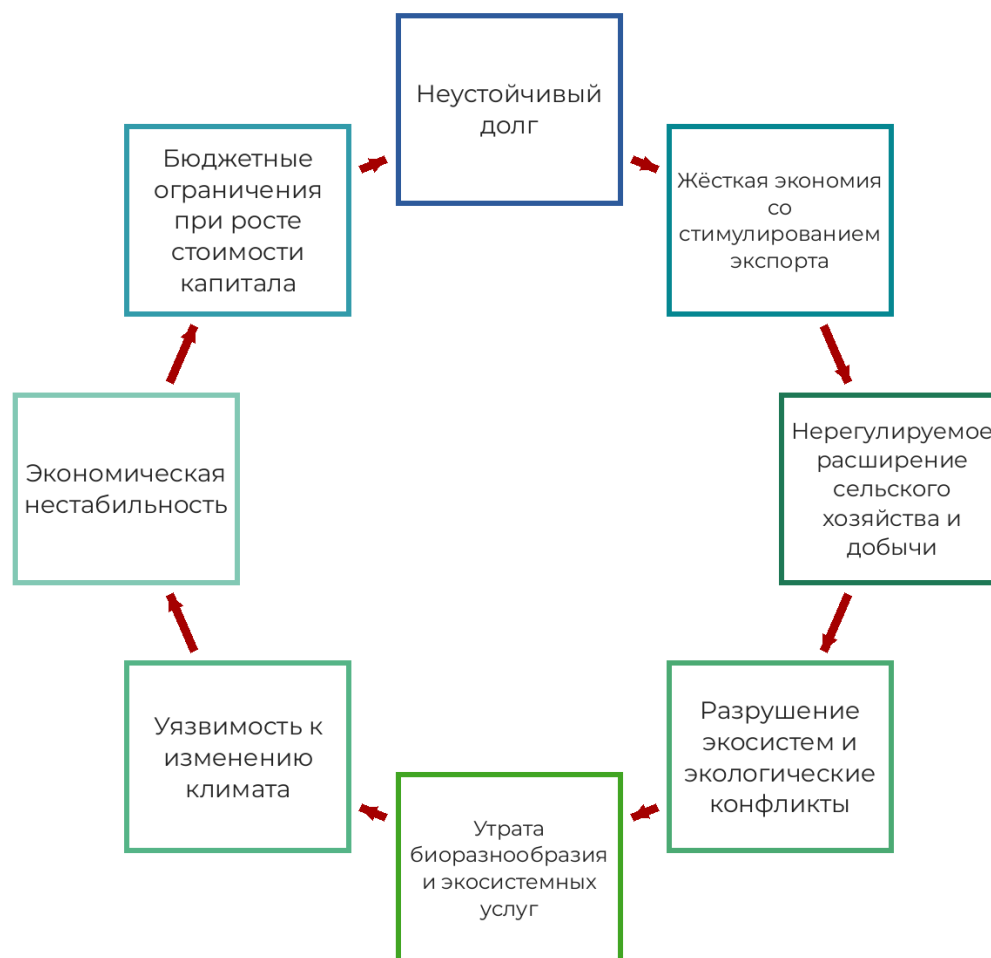
стабильность в тесно взаимосвязанной глобальной системе торговли и инвестиций.

Правительства могут прекрасно осознавать, что расширение посевов сои, добыча угля, кобальта и бокситов или экспорт золота вредят лесам, рекам и водно-болотным угодьям, угрожают территориям коренных народов и средствам к существованию общин. Такие последствия способны разрушать экосистемы, сообщества и экономическую деятельность, от которых зависит долгосрочная стабильность. Но даже сигнал об отходе от этих отраслей может вызвать снижение кредитных рейтингов, отток капитала, бегство из национальной валюты и другие финансовые последствия, ещё глубже загоняющие в финансовую яму правительства, уже испытывающие серьёзные бюджетные трудности.

Возникает порочный круг: по мере усиления давления с требованием быстро наращивать экспорт сырья финансовая стабильность вступает в опасный конфликт с экологической стабильностью.

Рисунок 2: Порочный круг долга, добычи ресурсов, утраты биоразнообразия и климатической уязвимости

Источник: Ray, R. (2024). From Vicious to Virtuous: Understanding and Re-imagining the Relationships between Debt, Climate and Nature at COP16 [От порочного круга к благотворному: осмысление и переосмысление взаимосвязей между долгом, климатом и природой на KC-16]. Boston University Global Development Policy Center.
<https://www.bu.edu/gdp/2024/10/29/from-vicious-to-virtuous-understanding-and-re-imagining-the-relationships-between-debt-climate-and-nature-at-cop16/>

Эту систему формируют соотношение сил и структурное давление, способные закреплять сырьевые траектории с разрушительными долгосрочными последствиями. Поэтому сосредоточиваться только на «дефиците финансирования биоразнообразия» слишком узко: дополнительные средства необходимы, но их будет недостаточно, если более масштабные экономические барьеры делают защиту земель, вод и лесов от давления экспортно

ориентированной добычи слишком рискованной для правительств в политическом и финансовом отношении.

Как международная финансовая архитектура влияет на условия осуществления Глобальной рамочной программы в области биоразнообразия

Международная финансовая архитектура — это система институтов, правил и норм, определяющая работу денег и финансов через национальные границы. Она регулирует такие сферы, как суверенное кредитование и потоки капитала, и играет важную роль в установлении правил глобальной экономики. В неё входят государственные институты, такие как МВФ и Всемирный банк, региональные

банки развития, частные кредитные рейтинговые агентства и широкий набор правовых, политических и рыночных механизмов. В центре этой системы — основные мировые резервные валюты, прежде всего доллар США.

Давление с целью сохранить инвестиционную привлекательность.

Правительства часто поддерживают сырьевые отрасли, чтобы привлекать и удерживать иностранные инвестиции. Это может означать налоговые льготы, дерегулирование, ослабление экологических норм, государственно-частные партнёрства или преференции корпорациям. Правительства могут избегать усиления охраны биоразнообразия из страха перед оттоком капитала, снижением кредитного рейтинга или исками инвесторов — «сдерживающий эффект для регулирования».

Иностранная валюта. Экспорт — ключевой способ получения долларов и других резервных валют, необходимых странам для импорта лекарств, продовольствия, топлива, оборудования и технологий, а также погашения внешних долгов. Угроза будущим валютным поступлениям может вызвать валютную нестабильность, снижение кредитного рейтинга, отток капитала или давление кредиторов.

Неравные условия суверенного долга.

Внешний долг также часто приходится погашать в иностранной валюте, что усиливает потребность в ней. Но условия доступа к государственному финансированию через заимствования крайне неравны: некоторые развивающиеся страны платят проценты по ставкам, до двенадцати раз превышающим ставки развитых экономик, и сталкиваются с большей нестабильностью при заимствованиях в иностранной валюте. Эти более высокие ставки отражают предполагаемые инвестиционные риски, но одновременно истощают государственные бюджеты там, где они нужнее всего, сокращая бюджетные возможности для экологического регулирования, государственных услуг и альтернативных путей развития.

Валютная иерархия. В основе всех этих видов давления лежит валютная иерархия: одни валюты, например доллар США, влиятельнее других и доминируют в мировой торговле, кредитовании и долговых платежах. Страны, чьи валюты занимают более низкое положение в этой иерархии, сталкиваются с большей нестабильностью, более дорогими заимствованиями и более сильным давлением зарабатывать иностранную валюту. В этой системе финансовая стабильность требует надёжного притока долларов США или других сильных валют, часто получаемых за счёт экспорта. Для биоразнообразия это важно потому, что многие тропические леса, наземные виды и наиболее богатые биоразнообразием экосистемы мира находятся в странах, испытывающих наиболее сильное такое давление.

Экстренное финансирование, стимулирующее экспорт. Когда страны сталкиваются с экономическими кризисами, часто связанными с этой уязвимостью к внешним потрясениям, помощь МВФ и кредиты банков развития могут включать условия по стабилизации экономики. Но эти условия, призванные улучшить бюджетную и финансовую стабильность, часто направляют правительства к росту экспорта, приватизации и либерализации именно в тех отраслях, которые лежат в основе утраты биоразнообразия. Такие меры могут углубить зависимость от сырьевых отраслей в обмен на краткосрочную стабильность.

Что необходимо сделать: добиться общего признания того, что международная финансовая архитектура определяет результаты в области биоразнообразия

Конвенция о биологическом разнообразии (КБР) не сможет достичь своих целей, если глобальные экономические правила и нормы продолжат делать добычу ресурсов самым безопасным экономическим выбором. Однако Конвенция не может в одностороннем порядке преобразовать эти правила и нормы глобального экономического управления. На национальном уровне представители министерств окружающей среды, ведущие переговоры, не обладают

полномочиями в вопросах финансов, торговли или инвестиций. И всё же Конвенция и природоохранные министерства способны ясно назвать этого конкретного слона: **правила и нормы, управляющие глобальной экономикой, причастны к продолжающейся утрате биоразнообразия. Если это противоречие останется неназванным и нерешённым, политика в области биоразнообразия будет по-прежнему обещать больше, чем способна обеспечить.**

Первый шаг — сделать давление международной финансовой архитектуры видимым в политике в области биоразнообразия, а не считать его чем-то «внешним» по отношению к Конвенции. Конвенция должна прямо назвать институты и нормы, сталкивающие цели биоразнообразия с финансовой стабильностью, и прежде всего призвать государственные институты, такие как МВФ и Всемирный банк, привести свою практику в соответствие с международными целями, включая Куньминско-Монреальскую глобальную рамочную программу в области биоразнообразия (ГРПБ). Смысл не в том, чтобы делать вид, будто КБР контролирует эти институты, а в том, чтобы добиваться

согласованности между КБР и долговыми, торговыми, инвестиционными, налоговыми и денежно-кредитными правилами, создавая условия для достижения целей биоразнообразия. Пока эти правила остаются враждебными охране окружающей среды, осуществление ГРПБ будет структурно подрываться.

Следующие аналитические материалы указывают на другие важные вопросы этой повестки: регулирование вредных финансовых потоков; устранение барьеров, создаваемых положениями об урегулировании споров между инвестором и государством; преодоление чрезмерной зависимости от рыночных инструментов, которые не смогли изменить это давление в сторону добычи. Все эти вопросы нужно решать одновременно. КБР может назвать институты и правила, которые следует изменить, наладить связи с площадками, где принимаются соответствующие решения, и поддержать столь необходимую координацию для достижения этих целей наряду со многими другими общественными целями, которые откладываются и игнорируются при нынешних правилах глобального экономического управления.

ВТОРОЙ СЛОН

ФИНАНСИРОВАНИЕ РАЗРУШЕНИЯ БИОРАЗНООБРАЗИЯ ОСТАЁТСЯ ЗАКОННЫМ, ПРИБЫЛЬНЫМ И СЛАБО РЕГУЛИРУЕМЫМ

Том Пикен / Rainforest Action Network, Forests & Finance

Финансирование биоразнообразия обычно описывают как проблему нехватки средств. Денег для природы слишком мало, государственные бюджеты ограничены, и поэтому необходимо мобилизовать частный капитал, чтобы восполнить дефицит. В такой постановке есть важная доля истины. Охрана и восстановление биоразнообразия, природоохранная деятельность коренных народов, государственные природоохранные учреждения и общинное управление землями по-прежнему серьёзно недофинансированы. Многие развивающиеся страны также сталкиваются с острыми бюджетными ограничениями, долговым давлением и невыполненными международными финансовыми обязательствами развитых стран.

Но нехватка средств — лишь одна сторона проблемы. Государственные и частные финансы уже действуют в огромных масштабах, способствуя утрате биоразнообразия. В докладе Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) «Состояние финансирования природы 2026» оценивается, что в 2023 году 7,3 трлн долларов США поступили в деятельность, классифицируемую как «негативная для природы». Для сравнения: по оценке ЮНЕП, на «природоориентированные решения» было потрачено 220 млрд долларов США. Иными словами, на каждый доллар, который ЮНЕП относит к поддержке природы, приходится более тридцати долларов вредных потоков. Из 7,3 трлн долларов США «негативного для природы» финансирования ЮНЕП относит 2,4 трлн к экологически вредным государственным субсидиям, а 4,9 трлн — к частному финансированию. Из 220 млрд долларов США, заявленных как «природоориентированные решения», 197 млрд приходились на государственное финансирование, а 23 млрд —

на частное.⁷ Следует отметить, что эти категории ЮНЕП не означают независимого подтверждения того, что каждый поток, обозначенный как поддерживающий природу, действительно защищает биоразнообразие или не вызывает опасений в отношении прав.

Основная задача двойная. Во-первых, правительства должны выполнить давно просроченные обязательства по государственному финансированию и увеличить вложения в осуществление мер по биоразнообразию, одновременно реформируя субсидии, налоговые стимулы, гарантии, государственное кредитование и другие меры, продолжающие поддерживать разрушение. Во-вторых, они должны регулировать и постепенно перенаправлять гораздо более крупные частные финансовые потоки, уже определяющие, какие виды деятельности расширяются, какие бизнес-модели остаются прибыльными, чьи права защищены и в конечном счёте какие экосистемы выживут.

Увеличивать финансирование биоразнообразия, не затрагивая гораздо более крупные финансовые потоки, разрушающие природу и причиняющие связанный с этим вред коренным народам и местным общинам, — всё равно что лить воду в бездонное ведро.

⁷ Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) (2026). State of Finance for Nature 2026: Nature in the Red [Состояние финансирования природы 2026: природа в минусе]. ЮНЕП. Основной источник оценок потоков: 7,3 трлн долларов США — негативные для природы; 220 млрд — природоориентированные решения; 2,4 трлн — вредные государственные субсидии; 4,9 трлн — негативное частное финансирование; 197 млрд — позитивное государственное и 23 млрд — позитивное частное финансирование. Также содержит отраслевую разбивку вредных государственных субсидий и негативного для природы частного финансирования и методику отнесения долей частного финансирования к экономической деятельности в зависимости от тяжести её прямого давления на природу.
<https://www.unep.org/resources/state-finance-nature-2026>

Таблица: Негативные и позитивные для природы потоки в 2023 году

Потоки в 2023 году	Негативные для природы	Позитивные для природы	Соотношение
Всего государственные и частные	7,3 трлн долл. США	220 млрд долл. США	33:1
Государственные	2,4 трлн долл. США (вредные субсидии)	197 млрд долл. США	12:1
Частные	4,9 трлн долл. США	23 млрд долл. США	213:1

Источник: ЮНЕП, State of Finance for Nature 2026 [Состояние финансирования природы 2026]. Соотношения рассчитаны на основе общих показателей ЮНЕП.

От структурного давления к финансовым каналам

Предыдущий анализ показывает, как структурное давление усиливает зависимость правительств от сырьевого экспорта, в том числе побуждая их использовать скудные государственные ресурсы для привлечения частных инвестиций в эти отрасли. Здесь мы проследим движение денег на один шаг дальше: рассмотрим, как государственное и частное финансирование поддерживает эту деятельность и почему регулирование этих потоков — следующий важнейший шаг для Сторон Конвенции.

Многие крупнейшие отрасли мировой экономики причастны к утрате биоразнообразия. Из 2,4 трлн долларов США экологически вредных государственных субсидий, выявленных ЮНЕП, наибольшая доля поддерживает ископаемое топливо, затем следуют сельское хозяйство и водный сектор; дополнительная поддержка предоставляется транспорту, строительству и рыболовству. Частное финансирование,

негативное для природы, в объеме 4,9 трлн долларов США распределено по всей экономике, но в наибольшей степени сосредоточено в коммунальных услугах, промышленности, энергетике и базовых материалах, включая металлургию и добычу полезных ископаемых, химическую продукцию, строительные материалы, удобрения и ресурсы для сельского хозяйства.⁸ Хотя ЮНЕП не классифицирует каждый доллар, поступающий в эти широкие отрасли, как вредный, её оценка количественно и пропорционально относит средства к различным видам экономической деятельности в зависимости от количества и тяжести их прямых воздействий на природу. Даже с этой оговоркой общая картина ясна: вредное финансирование встроено в основные системы энергетики, продовольствия, инфраструктуры, промышленности и добычи ресурсов, а не ограничено узким набором маргинальных или незаконных видов деятельности.

Эти финансовые каналы образуют две взаимосвязанные группы. Во-первых, правительства поддерживают экономическую

⁸ ЮНЕП (2026).

деятельность через государственную инфраструктуру, субсидии, налоговые стимулы, гарантии, финансирование развития и экспортное кредитование, часто снижая затраты или перенося риски таким образом, чтобы привлекать частный капитал. Во-вторых, коммерческие и инвестиционные банки, инвесторы в облигации, управляющие активами, компании прямых инвестиций и частного кредитования, страховщики и другие финансовые учреждения предоставляют кредиты, инвестиции, андеррайтинг и покрытие рисков. На практике эти каналы часто действуют вместе, создавая вокруг компании, деятельности или проекта «финансовую связку»:

государственная поддержка может повысить коммерческую жизнеспособность; государственные финансовые учреждения — предоставить финансирование или гарантии; банки — выдать кредиты или обеспечить размещение облигаций; инвесторы — приобрести акции или другие ценные бумаги; страховщики — принять на себя риски, которые иначе могли бы остановить деятельность. Следовательно, государственные и частные финансы — не отдельные системы. Их взаимодействие определяет, какие виды деятельности становятся коммерчески жизнеспособными и какие пути развития закрепляются.

Рисунок: Финансовая связка. Как государственные и частные финансы совместно обеспечивают вредную деятельность

Финансовая связка: как государственные и частные финансы совместно обеспечивают вредную деятельность

Государственная поддержка и частные финансы часто действуют совместно вокруг компании, проекта или экономической деятельности. Снижая затраты, передавая или поглощая риски и предоставляя капитал и финансовые услуги, эти каналы делают вредную деятельность коммерчески жизнеспособной, позволяют ей расширяться и закрепляют разрушительные пути развития.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА

ПОЛИТИКА, СТИМУЛЫ И ИНФРАСТРУКТУРА
Субсидии | Налоговые стимулы | Закупки
Государственная инфраструктура |
Политические сигналы

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ И
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РИСКОВ
Финансирование развития | Экспортное
кредитование
Льготные кредиты | Гарантии

МЕНЬШЕ РИСКОВ И ЗАТРАТ
Привлекает
дополнительный частный
капитал

ЧАСТНЫЕ ФИНАНСЫ

КАПИТАЛ И ИНВЕСТИЦИИ
Банковский кредит | Облигации |
Акционерный капитал
Прямые инвестиции | Частный кредит

ПОСРЕДНИЧЕСТВО И ПОКРЫТИЕ
РИСКОВ
Андеррайтинг | Управление активами
Страхование и перестрахование

**КОМПАНИЯ, ПРОЕКТ ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С
СИЛЬНЫМ ВОЗДЕЙСТВИЕМ**
Реализация обеспечена | Дешевле | Застрахована | Может расширяться

**КОММЕРЧЕСКАЯ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ, РАСШИРЕНИЕ И ЗАКРЕПЛЕНИЕ
ПУТИ**
Совместный эффект «финансовой связки»

УТРАТА БИОРАЗНООБРАЗИЯ И СОПУТСТВУЮЩИЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В этом анализе под вредным финансированием понимаются государственные или частные финансовые потоки и механизмы, которые делают возможной, удешевляют, страхуют или расширяют деятельность, вызывающую утрату биоразнообразия или связанные с ней

нарушения прав человека. Это не означает, что любые финансовые отношения с отраслью, оказывающей сильное воздействие, одинаково вредны или что целые отрасли можно свернуть за одну ночь. Экономическое развитие требует финансов, а многим жизненно важным отраслям

необходим управляемый и справедливый переход. Значимо то, какие пути развития финансы делают возможными и стимулируют, при каких экологических и социальных условиях, закрепляются или преобразуются разрушительные бизнес-модели и чьи интересы и права защищены.

Государственные финансы: выполнение обязательств и устранение вредных стимулов

Государственное финансирование незаменимо для осуществления мер по биоразнообразию. Развивающимся странам необходимо достаточное, предсказуемое и доступное международное государственное финансирование, прежде всего грантовая поддержка, для укрепления государственных институтов, соблюдения прав коренных народов и местных общин, поддержки экологического восстановления и охраны природы, а также расширения пространства для политики альтернативного развития. Согласно статье 20 Конвенции, развитые страны — Стороны обязаны предоставлять новые и дополнительные финансовые ресурсы, чтобы развивающиеся страны — Стороны могли покрывать согласованные полные дополнительные расходы на осуществление. Куньминско-Монреальская глобальная рамочная программа в области биоразнообразия (ГРПБ) закрепляет эти дифференцированные международные финансовые обязательства в задаче 19.

Одновременно правительства продолжают предоставлять крупные финансовые стимулы деятельности, вредящей природе. По оценке ЮНЕП, в 2023 году экологически вредные государственные субсидии составили 2,4 трлн долларов США. Задача 18 ГРПБ прямо обращается к этому противоречию: Стороны обязуются выявлять, устранять, поэтапно отменять или реформировать стимулы, включая субсидии, вредные для биоразнообразия, существенно и постепенно сокращая их как минимум на 500 млрд долларов США в год к 2030 году. Вредные стимулы не исчерпываются субсидиями: они включают налоговый режим, гарантии, льготное финансирование, экспортное кредитование, предоставление инфраструктуры, государственные закупки и другие механизмы,

изменяющие прибыльность или риски разрушительной деятельности.

Реформа должна быть справедливой. Нельзя просто переложить издержки на работников, мелких производителей, коренные народы, местные общины или малообеспеченные домохозяйства, оставив нетронутыми крупных корпоративных выгодополучателей. Государственное финансирование должно поддерживать социальную защиту, разнообразные источники средств к существованию, защиту прав и подлинное участие в разработке и осуществлении справедливых и равноправных путей перехода. Государственные институты также формируют частные финансы: гарантии, кредиты банков развития, инфраструктура и политические сигналы могут существенно менять соотношение риска и доходности частных инвестиций. Поэтому государственные средства способны как закреплять разрушительные пути развития, так и помогать перенаправлять капитал с этих путей.

Частные финансы: управление, подотчётность и безнаказанность

Коммерческие банки, управляющие активами, институциональные инвесторы, инвестиционные банки, страховщики и участники частных рынков — не пассивные посредники. Их решения влияют на то, какие компании получают капитал, какие проекты реализуются и какие отрасли расширяются. Это иллюстрирует анализ Global Witness, посвящённый банковскому кредитованию и андеррайтингу производителей лесной и сельскохозяйственной продукции в тропических лесных ландшафтах. Используя данные Forests & Finance, организация оценила, что почти 4 000 финансовых учреждений в 2016–2024 годах получили 26 млрд долларов США дохода от инвестиций, кредитов и андеррайтинга выпусков ценных бумаг, связанных с 50 компаниями, публично обвинёнными в обезлесении, захвате земель или сопутствующих нарушениях прав человека.⁹

⁹ Global Witness (2025). Banks make \$26 billion (segment-adjusted) in a decade of financing deforesting companies [Банки заработали 26 млрд долларов США с поправкой на сегменты за десятилетие финансирования компаний, вызывающих обезлесение]. Анализ заказан у Profundo с использованием данных Forests & Finance. <https://globalwitness.org/en/campaigns/forests/banks-make-26-billion-in-a-decade-of-financing-deforesting-companies/>

Эти цифры показывают, что финансирование компаний, связанных с серьёзным экологическим ущербом и нарушениями прав, может оставаться коммерчески выгодным даже после многих лет распространения политик устойчивости в финансовом секторе, обязательств по отказу от обезлесения, экологических, социальных и управленческих стандартов (ESG) и инициатив по раскрытию информации о природе. Раскрытие информации, таксономии и добровольные обязательства могут улучшать информированность и практику, но информация не заменяет правил. Банк может раскрывать некоторые риски для биоразнообразия и продолжать кредитование; инвестор — отчитываться о воздействиях и сохранять ценные бумаги; страховщик — оценивать риски, связанные с природой, и по-прежнему обеспечивать вредный проект.

Главный вопрос управления — почему финансирование, связанное с серьёзным экологическим ущербом и нарушениями прав, может оставаться законным, прибыльным и слабо ограниченным. Один из формирующихся ответов регуляторов сосредоточен на рисках, которые утрата природы создаёт для финансовых учреждений и финансовой стабильности, в том числе в рамках работы Сети по экологизации финансовой системы (NGFS).¹⁰ Это признание важно, но управление рисками для финансов — не то же самое, что регулирование воздействия финансов на природу и людей.

Правила борьбы с финансовыми преступлениями предоставляют ещё один, более узкий путь там, где сама экологически вредная деятельность незаконна. В частности, Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) изучала отмывание денег, связанное с незаконными рубками, расчисткой земель, добычей полезных ископаемых и незаконным оборотом отходов.¹¹

¹⁰ Network for Greening the Financial System (NGFS) (2024). Nature-related Financial Risks: a Conceptual Framework to guide Action by Central Banks and Supervisors [Финансовые риски, связанные с природой: концептуальная основа действий центральных банков и надзорных органов]; и NGFS (2026). Nature Package [Пакет материалов о природе]. <https://www.ngfs.net/en/publications-and-statistics/publications/ngfs-2026-nature-package>

¹¹ Financial Action Task Force (FATF) (2021). Money Laundering from Environmental Crime [Отмывание денег от экологических преступлений]; и тематические материалы ФАТФ об экологических преступлениях. <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Environmentalcrime/Money-laundering-from-environmental-crime.html>

Однако политика в области биоразнообразия должна противостоять и вредному финансированию, когда само финансирование и нередко поддерживаемая им деятельность остаются законными.

Необходимый мандат уже содержится в ГРПБ

Для регулирования вредного финансирования не требуется изобретать совершенно новый мандат в области биоразнообразия. Хотя соответствующие задачи ГРПБ недостаточно всеобъемлющи и недостаточно выполняются, вместе задачи 14, 15, 18 и 19 дают важные отправные точки для более согласованной повестки. Задача 14 призывает постепенно согласовывать соответствующие государственные и частные виды деятельности, бюджетные и финансовые потоки. Задача 15 создаёт основу для правовых, административных и политических мер в отношении бизнеса и финансовых учреждений. Задача 18 касается вредных стимулов. Задача 19 — ресурсов, необходимых для осуществления.

Дисбаланс возникает, когда осуществление ГРПБ непропорционально сосредоточено на последнем элементе: сколько дополнительных средств можно привлечь, из каких источников и с помощью каких инструментов. Мобилизация важна, но задача 19 не может заменить согласование, подотчётность и реформу стимулов. Ограниченность государственных бюджетов также не должна вести к усилению зависимости от частного финансирования без соответствующих правил, регулирующих направления частного капитала и его воздействие на природу и общины.

Оценка финансового регулирования в 11 юрисдикциях, проведённая коалицией Forests & Finance, показала, что частичные обязанности по раскрытию информации появляются быстрее, чем какие-либо обязательные ограничения вредного финансирования. При этом ни одна из изученных юрисдикций не требует от финансовых учреждений согласовывать финансовые и инвестиционные решения с ГРПБ.¹²

¹² Boev, P. and Akkaya, P. (2026). Regulating Finance for Biodiversity – An Assessment for the Global Biodiversity Framework, 2026 [Регулирование финансов для биоразнообразия — оценка для Глобальной рамочной

КБР не обязана становиться финансовым регулятором. Но Стороны не могут убедительно выполнять задачу 14, считая институты, управляющие финансами, второстепенными для политики в области биоразнообразия. Министерства финансов, центральные банки, органы финансового надзора, регуляторы, государственные банки развития и другие экономические органы формируют те самые бюджетные и финансовые потоки, которые правительства прямо обязались согласовывать в рамках ГРПБ.

От мобилизации финансов к управлению финансами

Задачи ГРПБ несовершенны, но в совокупности позволяют выйти за рамки узкого внимания к привлечению дополнительных ресурсов и перейти к регулированию уже существующих финансовых потоков. Более сбалансированная повестка финансирования биоразнообразия должна обеспечивать выполнение международных обязательств по государственному финансированию и увеличение государственных вложений в биоразнообразие. Одновременно она должна реформировать субсидии и другие формы государственной поддержки, делающие разрушение возможным, и регулировать частные финансы так, чтобы финансовые учреждения не могли перекладывать тяжёлый экологический и социальный ущерб на других, сохраняя доходы. Особое значение имеют четыре функции.

1. Знать, куда направляется вредное финансирование

Правительствам нужна более полная картина государственной поддержки и частного финансирования компаний, проектов и деятельности, вызывающих утрату биоразнообразия. Выполняя задачу 15, им следует выйти за рамки добровольных механизмов и обязать крупные компании и финансовые учреждения раскрывать свои воздействия, риски и зависимости, связанные с природой и правами, в формах, допускающих независимую проверку, в том числе на местах. Это должно включать финансовую

подверженность рискам в высокорисковых отраслях и юрисдикциях. Процессы отслеживания и обзора КБР должны различать международные обязательства по государственному финансированию, внутренние государственные расходы, действительно позитивное частное финансирование, вредные государственные стимулы и вредные частные финансовые потоки, а не объединять их до неузнаваемости.

2. Изменить стимулы и обеспечить справедливый переход

Правительствам следует устранять, поэтапно отменять или реформировать наиболее вредные стимулы в соответствии с задачей 18, защищая людей, на которых иначе лягут социальные издержки. Государственные финансовые учреждения должны применять тот же принцип к своим портфелям, гарантиям и политическим рекомендациям. Государственные средства не должны снижать риски или субсидировать деятельность, подрывающую цели биоразнообразия и права человека. Финансирование биоразнообразия также не должно просто перекладывать частные риски на общество, оставляя вредные инвестиции нетронутыми.

3. Установить обязательные правила для финансовых учреждений

Финансовое управление должно отказаться от предположения, будто более качественная информация автоматически перенаправит капитал. Правительствам следует использовать надлежащие сочетания обязательной должной осмотрительности, надзорных требований, отраслевых условий или исключений, пруденциальных инструментов, условий государственного финансирования и других регуляторных мер, чтобы уменьшить поддержку деятельности, причиняющей серьёзный вред биоразнообразию и правам. Правила должны охватывать весь спектр финансовых учреждений и рынков. Иначе ограничение вредного финансирования, например только через банки, может просто переместить его на рынки облигаций, в управление активами, страхование, прямые инвестиции или частное кредитование, сохранив финансирование самой деятельности.

4. Поставить права, подотчётность и возмещение ущерба в центр

Согласование финансов с целями биоразнообразия и правами человека — не только техническая задача перенаправления капитала. Оно должно включать прекращение финансовой поддержки деятельности, вызывающей значительную утрату биоразнообразия или сопутствующие нарушения прав. Оно также касается того, кто обладает властью над землёй, ресурсами и финансовыми решениями, кто получает выгоды и кто несёт экологические и социальные издержки.

Финансовые правила и защитные механизмы государственного финансирования должны уважать права на землю и землевладение, свободное, предварительное и осознанное согласие; защищать экологических правозащитников и защитников прав человека; обеспечивать полноценный доступ к информации, механизмам подачи жалоб и возмещению ущерба. Управление с учётом гендерных аспектов и подлинное участие коренных народов, местных общин, работников и других затронутых групп — неотъемлемые составляющие справедливого и равноправного перехода.

ТРЕТИЙ СЛОН

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА СТАВИТ ПРАВА КОРПОРАЦИЙ ВЫШЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Неле Мариен / Friends of the Earth International

Правительствам необходимо срочно установить действенные глобальные экологические правила, чтобы поэтапно отказаться от практик, доказавших свою разрушительность для биоразнообразия. В частности, следует запретить масштабное разрушение экосистем, строго регулировать использование опасных химических веществ и пестицидов и прекратить чрезмерную эксплуатацию видов и местообитаний. Такие правила поставили бы экологические пределы в центр принятия решений. Без обязательного глобального регулирования утрата биоразнообразия ускоряется, экосистемы теряют устойчивость, а общества становятся более уязвимыми к климатическим потрясениям, продовольственным кризисам и последствиям для здоровья. Нынешнее отсутствие таких глобальных правил привело к тревожно значительному выходу показателя целостности биосферы за безопасные планетарные границы Земли.

Вместо этого экономические правила торговли, инвестиций и роста фактически ставятся выше экологических. Такие институты, как Всемирная торговая организация (ВТО), и двусторонние инвестиционные договоры рассматриваются как «жесткое право» с действенными механизмами исполнения и санкциями, тогда как многосторонние природоохранные соглашения — как «мягкое право». Аналогично, механизмы соблюдения Конвенции о биологическом разнообразии (КБР) минимальны и слабы, поэтому неспособность защищать экосистемы почти не влечёт для государств последствий. В результате экономическое право на практике весит больше, закрепляя модели производства и торговли, подрывающие биоразнообразие.

Что такое ISDS

Урегулирование споров между инвестором и государством (ISDS) — правовой механизм, позволяющий иностранным инвесторам подавать иски против государств в международные арбитражные трибуналы. Он асимметричен: государства не могут использовать его против инвесторов. Этот механизм закреплён в большинстве международных инвестиционных соглашений. ISDS позволяет инвесторам обходить национальные суды и требовать финансовую компенсацию от государств, в которые они вложили или намерены вложить средства. Это может включать требования за предполагаемую утрату потенциальной будущей прибыли, когда инвесторы утверждают, что новые нормы или изменения политики принимающего государства неблагоприятно скажутся на инвестициях.

Разбирательства ISDS обычно проходят в конфиденциальных международных трибуналах. Таким образом, международные инвестиционные соглашения приобретают статус автономных режимов, преобладающих над другими режимами регулирования, включая национальные конституции. Практика трибуналов ISDS непоследовательна, непредсказуема и часто внутренне

противоречива, что порождает значительную неопределённость. Обжаловать решение трибунала невозможно. Многие дела и мировые соглашения никогда не становятся общедоступными. Из-за отсутствия прозрачности невозможно установить, сколько дел ISDS существует и каково их содержание.

Эти частные трибуналы обычно состоят из трёх «арбитражных юристов», принимающих решения за закрытыми дверями. Арбитры часто имеют серьёзные конфликты интересов, поскольку многие работают в юридических фирмах, представляющих инвесторов. Они также нередко меняют роли и выступают представителями в других делах, то есть представляют и защищают те же компании, которые подают иски по инвестиционным договорам.

Когда охрана окружающей среды вступает в конфликт с экономическими интересами, уступить обычно вынуждены природа и люди, живущие на затронутых территориях. Это особенно ясно видно в подавляющем большинстве из примерно 2 500 инвестиционных договоров мира, содержащих положения об ISDS. Из-за этих положений государства рискуют столкнуться с торговыми спорами или исками инвесторов, если затронуты инвестиции или ожидаемая прибыль.

Виды и причины дел ISDS разнообразны и включают изменения налогового и трудового законодательства или мер защиты прав человека. Здесь мы сосредоточимся на делах, вызванных ограничением правительствами экологически вредной деятельности — через усиление природоохранного регулирования, отзыв разрешений на деятельность или отказ в их выдаче. Иностранные инвесторы затем представляют такие природоохранные действия как «косвенную экспроприацию», «несправедливое обращение», «подрыв законных ожиданий инвестора относительно стабильности регулирования» или «введение меры, несоразмерной законной цели политики». Мы рассмотрим экологическое воздействие таких дел ISDS, а также самого существования этой системы.

Важно понимать, что ISDS не действует в вакууме. Как описано в докладе, он встроен в более

широкую политическую экономию, где правительства уже испытывают давление долга, жёсткой бюджетной экономии и сырьевых моделей развития. В этом контексте ISDS меняет приоритеты государств, часто заставляя их отдавать предпочтение корпоративным интересам и краткосрочным доходам перед долгосрочным экологическим и социальным благополучием.

ISDS: наглядный пример слона в комнате для биоразнообразия

ISDS создаёт возможности блокировать новое действенное глобальное экологическое регулирование. Иными словами, прибыль инвесторов защищается в ущерб экосистемам и людям. **Сама система ISDS — проявление корпоративного захвата институтов глобального управления; она поддерживает порочный круг, способствуя закреплению власти корпораций в странах и институтах.** Эта система наносит ущерб охране окружающей среды, средствам к существованию, интересам и благополучию людей на затронутых территориях. Хотя такие последствия для климатической политики хорошо задокументированы и требования обсуждать их в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) усиливаются, аналогичное осознание необходимо и в отношении биоразнообразия, а КБР должна взять на себя ответственность за решение этой проблемы.

Финансовые последствия: чрезмерные компенсации и судебные издержки, влияющие на финансирование биоразнообразия

«Компенсации» ISDS — денежные выплаты, которые принимающее правительство после решения по делу должно произвести компании из государственной казны, — напрямую увеличивают суверенную задолженность, усиливая описанные в докладе закономерности. Присуждаемая компенсация обычно выражена в иностранной валюте, а её размер полностью оторван от местных экономических реалий. Более того, средние суммы со временем выросли. Это отражает увеличение масштабов проектов и правовую культуру, которая признаёт «утраченную будущую прибыль» и

спекулятивные доходы возмещаемым ущербом. Такие компенсации могут достигать сотен миллионов долларов; к настоящему времени известно более 152 исков ISDS с требованиями возместить ущерб на сумму 1 млрд долларов США и более.

Яркий пример — Tethyan Copper Company, подавшая иск против Пакистана за отказ предоставить ей горную аренду на месторождении Реко-Дик и получившая в 2019 году решение о компенсации в 5,8 млрд долларов США. Эта сумма более чем в 25 раз превышала инвестиции компании — 220 млн долларов США — и включала выплату за «утраченную будущую прибыль». Общая компенсация была почти равна экстренному кредиту МВФ в 6 млрд долларов США, предоставленному Пакистану для преодоления экономического кризиса. В 2022 году Пакистан разрешил реализацию проекта; начало производства ожидается в 2028 году. Уже сообщается о последствиях для прав человека и окружающей среды, включая нехватку воды, загрязнение цианидами и оседание в регионе пыли с тяжёлыми металлами.

Даже когда государства выигрывают, процесс чрезвычайно дорог. Для защиты по делу ISDS нужны специализированные международные юридические фирмы, эксперты-свидетели и длительные процедуры. Одни только юридические издержки могут достигать десятков миллионов долларов без каких-либо гарантий успеха.

Для бедных стран последствия особенно тяжелы. Одна компенсация может поглотить значительную часть годового государственного бюджета, превышая ассигнования министерству окружающей среды или национальным природоохранным программам. Деньги, которые могли бы финансировать охраняемые территории, экологический мониторинг, адаптацию к изменению климата или охрану природы силами общин, вместо этого поступают транснациональным корпорациям и их акционерам. ISDS истощает именно те средства, которые нужны странам для перехода от разрушительных экономических моделей и обеспечения действенной охраны окружающей среды.

Наказание за регулирование и сдерживающий эффект для регулирования

Правительства знают, что создание или расширение охраняемых территорий, отмена или сокращение концессий либо ужесточение стандартов могут вызвать дорогостоящие иски ISDS. Министры ряда стран признавали, что уже сама угроза таких исков влияет на экологическое законодательство: политику в области биоразнообразия ослабляют, откладывают или полностью отменяют, поскольку лица, принимающие решения, боятся спровоцировать споры. Этот эффект известен как «сдерживающий эффект для регулирования» (regulatory chill). Хотя из-за секретности разбирательств нет открытых юридических материалов, эффект широко изучен и задокументирован, особенно применительно к климатической политике. Для правительств, особенно уже испытывающих бюджетные трудности, даже вероятность крупного иска может стать мощным сдерживающим фактором. Компании активно используют угрозы ISDS как стратегический инструмент влияния на политику. Одного ожидания возбуждения дела может быть достаточно, чтобы удержать правительства от принятия новых правил или применения существующих. Для инвесторов предупредительное письмо или сигнал о готовности к арбитражу — дешёвый и эффективный способ давления. Арбитражные юристы регулярно рекомендуют такую практику даже при отсутствии правовых оснований для дела.

Один арбитражный юрист, регулярно работающий с угрозами исков, говорит, что они «более распространены», чем реальные иски. Другой признаёт, что ISDS — самая большая дубинка в руках инвесторов. Третий отмечает, что «даже самой угрозы такого иска достаточно, чтобы остановить или обратить вспять [природоохранные] усилия принимающих государств».

Конкретный пример — Индонезия, где правительство пыталось защитить лесные территории от разрушительного горнодобывающего проекта, одобренного прежним авторитарным президентом Сухарто. В ответ Newcrest Mining пригрозила исками ISDS,

представив возможные штрафы как катастрофические. Это произошло вскоре после проигрыша Индонезией другого дела ISDS, по которому ей присудили штраф в 261 млн долларов США, который она не могла оплатить. Под давлением правительство отступило, издав чрезвычайный указ, освобождавший рудник от нового экологического закона. Парламент был вынужден его одобрить, и единственным аргументом стала угроза ISDS. Военные жестоко избили жителей деревень, защищавших свою территорию; некоторых заключили в тюрьму. Один житель был застрелен. В конечном счёте вершину горы срезали, ценный лес исчез, а близлежащее озеро было загрязнено отходами рудника.

Отмена природоохранных мер

ISDS также позволяет корпорациям добиваться отмены уже принятых мер. Эта тактика регулярно срабатывает: 17% известных дел завершаются «мировыми соглашениями», а не окончательными решениями. Когда у государств нет ресурсов для немедленной выплаты, на них давят, вынуждая заключать соглашения на выгодных инвесторам условиях. Это может включать выплату значительных сумм, а также отмену или смягчение тех самых мер, которые первоначально вызвали спор. Даже если нормы формально сохраняются, мировые соглашения могут создавать исключения для конкретных проектов или компаний, подрывая целостность экологического управления.

Новое поколение инвестиционных договоров не является решением

Большинство старых инвестиционных договоров «первого поколения» не предусматривают возможность ссылаться в делах ISDS на заботу об окружающей среде или даже на права человека. После критики в новые договоры включили некоторые положения, но они часто неоднозначны и на практике могут быть недостаточны. При этом старые инвестиционные договоры продолжают действовать.

Более того, при толковании «модернизированных» договоров арбитражные трибуналы продолжают опираться на практику, основанную на старых

договорах. Несмотря на реформы, и число исков ISDS, и присуждаемые суммы продолжают существенно расти. Например, до 2000 года было зарегистрировано 12 экологических дел ISDS, с 2000 по 2010 год — 37, а с 2011 по 2021 год — 126.

Отрасли, разрушающие биоразнообразие, как основные пользователи ISDS

Отрасли, наиболее ответственные за утрату биоразнообразия, — одни из самых активных истцов в ISDS. Первые два места занимают отрасль ископаемого топлива с 20% всех дел и горнодобывающая отрасль с 11%. Таким образом, ISDS превратился в юридическое продолжение разрушительных финансовых потоков, описанных в докладе: капитал, вложенный в ископаемое топливо, добычу полезных ископаемых и другие отрасли с сильным воздействием, подкреплён мощным механизмом, который можно использовать для давления на государства, пытающиеся ограничить экологический ущерб.

Несоразмерные последствия для Глобального Юга, где сосредоточена основная часть мегабиоразнообразия

Глобальное распределение дел ISDS и их последствий глубоко неравномерно. Страны Глобального Юга, где находится большая часть биоразнообразия Земли, особенно уязвимы к искам ISDS: они были ответчиками примерно в 62% известных дел.

Во многих из этих государств экологическое и климатическое регулирование изначально было менее развитым, часто из-за колониального наследия, структурной перестройки и сохраняющейся нехватки ресурсов. Но теперь усиление регулирования до уровня, сопоставимого с Глобальным Севером, может трактоваться как нарушение «законных ожиданий» инвесторов и служить основанием для исков ISDS. Кроме того, инвесторы могут привлекать элитные международные юридические фирмы с большим опытом ISDS, тогда как правительства Глобального Юга обычно располагают меньшими юридическими возможностями для защиты в сложных арбитражных делах. Их бюджетное пространство также нередко уже ограничено долгами,

нестабильными сырьевыми доходами и внешним экономическим давлением. Крупная компенсация может стать финансовой катастрофой.

Последствия для коренных народов, местных общин и защитников окружающей среды

Давление ISDS влияет и на урегулирование конфликтов на местах. Когда правительства считают свои возможности остановить или ограничить корпоративные проекты крайне узкими из страха спровоцировать дорогие иски, они могут вместо этого терпеть или облегчать подавление несогласных. Экологические защитники, лидеры коренных народов, местные общины, активисты и журналисты, выступающие против разрушительных инвестиций, рискуют подвергнуться криминализации, преследованиям или насильственному подавлению. Хотя ISDS редко бывает единственной причиной такой криминализации, он усиливает стимулы к подобным действиям. Власти, вынужденные поддерживать проекты или избегать исков, могут видеть в защитниках не законных участников, чьи опасения необходимо учитывать, а препятствия экономическим сделкам и правовой стабильности.

Затронутые общины, правозащитники, коренные народы и гражданское общество не имеют права участвовать в ISDS в качестве сторон. Они могут лишь направлять «представления третьих сторон» или заключения «друзей суда» (*amicus curiae*), которые трибуналы ISDS часто отклоняют. Поэтому правообладатели не могут ни участвовать в процессе, ни привлекать внимание к разрушительным последствиям деградации окружающей среды, к которой причастны истцы ISDS.

ISDS подрывает экологическую политику и справедливость

В совокупности эти процессы показывают, как ISDS перестраивает пространство формирования экологической политики. Он усиливает финансовую и политическую власть корпораций, особенно в отраслях, наиболее ответственных за экологическое разрушение, одновременно сужая пространство манёвра государств, прежде всего на Глобальном Юге. Система активно определяет,

какое экологическое будущее возможно, а какое становится слишком дорогостоящим. Она способствует постоянному усилению корпоративной власти, тогда как противники экологического ущерба сталкиваются с растущими рисками. Она переворачивает принцип «загрязнитель платит»: вместо оплаты загрязнителями предотвращения вреда общество вынуждено платить загрязнителям за любые ограничения их деятельности.

Chevron и Техасо в Эквадоре: от разрушения Амазонии к корпоративной безнаказанности через ISDS

С 1960-х годов по 1992 год Техасо разрабатывала нефтяные месторождения в эквадорской Амазонии, оставив тысячи ям с токсичными отходами и масштабное загрязнение почв и водотоков. Возникшее загрязнение стало одной из крупнейших нефтяных катастроф в мире, тяжело затронув коренные народы — ваорани, сиекопай, сиона, а'и кофан, шуар и кичуа — и около 80 крестьянских общин. Последствия для средств к существованию, водоснабжения и продовольственных систем оказались разрушительными, а заболеваемость раком резко выросла.

В 1993 году пострадавшие подали иск против Техасо в США; позднее дело передали в Эквадор. В 2011 году, после почти двух десятилетий разбирательств и масштабного применения юридических тактик уклонения от ответственности, суд Эквадора в Лаго-Агрио признал ответственной Chevron, купившую Техасо. Компании предписали выплатить около 18 млрд долларов США возмещения; позднее сумму снизили до 9,5 млрд. Решение было подтверждено судебной системой Эквадора, включая высшие суды.

Chevron ответила агрессивной международной юридической стратегией, изображая эквадорское разбирательство мошенническим и коррумпированным и обвиняя адвокатов истцов и эквадорских должностных лиц во взяточничестве и манипуляциях. В 2009 году, пока экологическое дело ещё рассматривалось, компания подала против Эквадора иск в трибунал ISDS, пытаясь

предотвратить исполнение эквадорского решения.

Загрязнение эквадорской Амазонии, вызванное Texaco/Chevron. Фото: Real World Radio.

В 2018 году инвестиционный трибунал вынес решение в пользу Chevron, заявив, что решение в Лаго-Агрио было затронуто мошенничеством и коррупцией. Он обязал Эквадор выплатить около 220 млн долларов США, принять меры по лишению решения исполнимости и компенсировать Chevron причинённый им ущерб.

Таким образом, ISDS помог сместить акцент с ответственности корпорации за разрушение окружающей среды на предполагаемое неправомерное поведение государства. Спустя десятилетия коренные народы продолжают жить с последствиями загрязнения Texaco/Chevron — очевидным увековечением экологической несправедливости и корпоративной безнаказанности.

Путь вперёд: перестройка правовых систем и приоритет окружающей среды над правами инвесторов

Необходим коренной пересмотр правовых и политических приоритетов: охрана окружающей среды и права человека должны иметь преимущество перед привилегиями инвесторов. Архитектуру защиты инвесторов нужно демонтировать, используя право прекращать инвестиционные договоры и/или исключая из них ISDS. Особенно для стран Глобального Юга выход из ISDS, желательно через согласованные коллективные действия, — неотложный акт правового и политического самоопределения.

Этот сдвиг должен выходить за пределы реформы урегулирования споров. Государства и другие институты должны прямо признавать юридическое верховенство экологических обязательств и обязательств по правам человека над торговыми и инвестиционными соглашениями при возникновении конфликта. Справедливые правила решения проблем биоразнообразия должны быть юридически обязательными и явно соблюдаться в экономической политике — от торговых соглашений и финансовых учреждений до финансирования развития. Нынешнюю гонку уступок, при которой страны ослабляют защиту ради инвестиций, необходимо обратить вспять. Глобальное управление должно выйти за рамки расплывчатых обязательств «учитывать биоразнообразие» и установить ясные минимальные экологические стандарты, ниже которых не может опускаться ни одна страна. Одновременно необходима правовая защита экологических защитников и общин на переднем крае; коренным народам и местным общинам следует гарантировать свободное, предварительное и осознанное согласие, а обязательный договор ООН о транснациональных корпорациях и правах человека должен быть наконец принят и безотлагательно осуществлён.

Нужны более решительные политические действия против угрозы, которую ISDS представляет для управления биоразнообразием. Во-первых, в рамках КБР необходимо полностью понять воздействие инвестиционного права на биоразнообразие и учесть его в решениях. Решения КБР и её Стороны должны активно выступать на других площадках за минимизацию воздействия дел ISDS на национальном уровне. Кроме того, представители Секретариата КБР должны присутствовать и активно работать на других значимых площадках принятия решений. Наконец, Межправительственная научно-политическая платформа по биоразнообразию и экосистемным услугам (IPBES) должна изучить воздействие ISDS на биоразнообразие, а решения о мобилизации ресурсов — отражать эти реалии и предусматривать конкретные дальнейшие шаги.

Если правительства всерьёз намерены остановить экологический коллапс, они должны перестать подчинять охрану окружающей среды защите инвестиций. Вместо этого необходимо создать правовой порядок, в котором экологическая целостность задаёт внешние пределы глобальной экономики.

Источники и дополнительные материалы

- Baldon Advocats. Summary Note on Regulatory Chill [Краткая записка о сдерживающем эффекте для регулирования], июнь 2022.
https://www.exitect.org/sites/default/files/2022-06/Summary_Note_on_Regulatory_Chill.pdf
- Boyd, D. Paying polluters: the catastrophic consequences of investor-State dispute settlement for climate and environment action and human rights [Платить загрязнителям: катастрофические последствия урегулирования споров между инвестором и государством для климатических и природоохранных действий и прав человека]. Документ ООН A/78/168, июль 2023.
<https://www.ohchr.org/en/documents/thematic-reports/a78168-paying-polluters-catastrophic-consequences-investor-state-dispute>
- Caso Chevron [Дело Chevron].
<https://udapt.org/caso-chevron/>
- Dupré, M. IPCC points out the incompatibility between protecting fossil investments and decarbonisation [МГЭИК указывает на несовместимость защиты инвестиций в ископаемое топливо и декарбонизации]. Institut Veblen, 5 апреля 2022.
<https://www.veblen-institute.org/IPCC-points-out-the-incompatibility-between-protecting-fossil-investments-and.html>
- Hamby, C. The Billion Dollar Ultimatum, The Secret Threat That Makes Corporations More Powerful Than Countries [Миллиардный ультиматум: тайная угроза, делающая корпорации сильнее стран], август 2016.
<https://www.buzzfeednews.com/article/chrishamby/the-billion-dollar-ultimatum>
- Johnson, L. and Sachs, L. The Outsized Costs of Investor-State Dispute Settlement [Чрезмерные издержки урегулирования споров между инвестором и государством]. Columbia Center on Sustainable Investment, США, 2016.
https://scholarship.law.columbia.edu/cgi/viewcontent.cgi?params=/context/sustainable_investment_staffpubs/article/1113/&path_info=AIB_Insights_Vol._16_Issue_1_The_outsized_costs_of_ISDS_Johnson_Sachs_Feb_2016.pdf
- Khan, A. Economic Growth on Trial: How the Global South Is Trapped in the Ecological Crises [Экономический рост под судом: как Глобальный Юг оказался в ловушке экологических кризисов]. Atlas Institute for International Affairs, апрель 2025.
<https://atlasinstitute.org/economic-growth-on-trial-how-the-global-south-is-trapped-in-the-ecological-crises/>
- Meager, E. Cop26 targets pushed back under threat of being sued [Цели КС-26 отложены под угрозой судебных исков]. CapitalMonitor, январь 2022.
<https://www.capitalmonitor.ai/analysis/cop26-ambitions-at-risk-from-energy-charter-treaty-lawsuits/>
- Pellegrini, L. et al. International Investment Agreements, Human Rights, and Environmental Justice: The Texaco/Chevron Case From the Ecuadorian Amazon [Международные инвестиционные соглашения, права человека и экологическая справедливость: дело Техасо/Chevron в эквадорской Амазонии]. Journal of International Economic Law, том 23, № 2, июнь 2020, с. 455–468. <https://doi.org/10.1093/jiel/jgaa016>
- Perrone, N. M. et al. ISDS vs. the Climate: How a Colonial-Era Investment Mechanism Jeopardises a Just Transition [ISDS против климата: как инвестиционный механизм колониальной эпохи ставит под угрозу справедливый переход]. CAN-Europe, 2026.
<https://caneurope.org/app/uploads/2026/01/isds-vs-the-climate-en.pdf>
- Tethyan Copper v. Pakistan [Tethyan Copper против Пакистана]. Jus Mundi, 2022.
<https://jusmundi.com/en/document/decision/en-tethyan-copper-company-pty-limited-v-islamic-republic-of-pakistan-memorandum-opinion-of-the-united-states-district-court-for-the-district-of-columbia-thursday-10th-march-2022>
- Tienhaara, K. Regulatory Chill in a Warming World: The Threat to Climate Policy Posed by Investor-State Dispute Settlement [Сдерживание регулирования в теплеющем мире: угроза климатической политике со стороны урегулирования споров между инвестором и государством]. Transnational Environmental Law. 2018; 7(2): 229–250. doi:10.1017/S2047102517000309
- UNCTAD Investment Dispute Settlement Navigator [Навигатор ЮНКТАД по урегулированию инвестиционных споров].
<https://investmentpolicy.unctad.org/investment-dispute-settlement>

ЧЕТВЁРТЫЙ СЛОН

РЫНОЧНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ БИОРАЗНООБРАЗИЯ СПОСОБСТВУЮТ ЕГО РАЗРУШЕНИЮ

Мирна Инес Фернандес Прадель / Third World Network

От регулирования к маркетизации

В последние десятилетия в глобальном экологическом управлении произошёл глубокий философский сдвиг. В 1990-е годы была принята Рио-де-Жанейрская декларация,¹³ установившая принципы как пределы, призванные защищать биосферу. За ней последовали Рамочная конвенция ООН об изменении климата, Конвенция ООН по борьбе с опустыниванием и Конвенция ООН о биологическом разнообразии (КБР), созданные для направления глобального экологического регулирования в этих областях. Однако с годами глобальное экологическое управление отошло от этих основ к децентрализованным, совместимым с рынком системам, которые теперь стали преобладающими инструментами.

В широкой категории рыночно ориентированных инструментов — включающей не только собственно рыночные инструменты, но и обмен долга на охрану

природы, облигации, привязанные к биоразнообразию, и структуры смешанного финансирования, согласующие обычные рынки капитала с природоохранными результатами, — рыночное финансирование использует явные механизмы сделок: природные кредиты, компенсационные меры и системы торговли квотами. Так создаётся прямой рынок торговли экологическими единицами. Сегодня можно компенсировать почти любое экологическое воздействие. Уже существуют компенсации углерода, биоразнообразия, пластика, рифовых и морских местообитаний и качества воды. Обсуждается даже новая концепция культурных компенсаций для возмещения воздействия на культурное наследие или продовольственную безопасность местных общин.

Этот переход от экологического регулирования к рыночным инструментам отражает взаимосвязанный сдвиг в пользу дерегулирования, приватизации и глубокого скептицизма в отношении государственного вмешательства. В результате экологическая политика **перешла от реакции на рынок как причину разрушения к восприятию рынка как спасителя.**

Необходимость рыночных инструментов якобы оправдывается дефицитом финансирования биоразнообразия — оцениваемой в 700 млрд долларов США ежегодной нехваткой ресурсов для охраны и восстановления природы, прямо указанной в цели D Куьминско-Монреальской глобальной рамочной программы в области биоразнообразия (ГРПБ). Очевидно, что нынешнего глобального финансирования сохранения, восстановления и устойчивого использования биоразнообразия недостаточно и правительства Глобального Севера не выполнили финансовые обязательства. Но это не единственная причина неудач глобальных соглашений по биоразнообразию: как показывает данный доклад, структурные коренные причины его разрушения остаются без внимания. Поэтому нужно сосредоточиться не только на том, как направить частные или государственные инвестиции на

¹³ Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 года. www.cbd.int/doc/refs/rio-declarati

действия в области биоразнообразия, но и на том, как изменить потоки капитала, разрушающего биоразнообразие, и перестроить более широкие политико-экономические нормы.¹⁴

Инновационные схемы финансирования задачи 19

Задача 19 ГРПБ направлена на мобилизацию в общей сложности 200 млрд долларов США в год для биоразнообразия, включая 30 млрд долларов в год к 2030 году через международное государственное финансирование. Для этого в задаче подчёркивается важность «инновационных схем финансирования», таких как платежи за экосистемные услуги (ПЭУ), зелёные облигации, компенсационные меры и кредиты в сфере биоразнообразия. Все эти схемы отвечают стремлению привлечь частное финансирование для восполнения дефицита финансирования биоразнообразия. Все они уже неоднократно испытывались в прошлом — и терпели неудачу.

Эти схемы входят в более широкую категорию рыночно ориентированных инструментов, но отличаются степенью и способом применения рыночных механизмов. Компенсационные меры и кредиты создают или поддерживают рынки единиц, связанных с биоразнообразием; ПЭУ устанавливают экономические сделки по экосистемным услугам; зелёные облигации мобилизуют капитал через финансовые рынки для экологически полезных инвестиций. Хотя их основная цель связана со стимулированием и финансированием сохранения биоразнообразия, задокументированные социальные и экологические последствия вызывают множество опасений, как показано в следующей таблице.

¹⁴ Bigger, P., Dempsey, J., Rojas-Marchini, F., Christiansen, J., Irvine-Broque, A., Nelson, S., and Shapiro-Garza, E. (2021). Beyond the gap: placing biodiversity finance in the global economy [За пределами дефицита: место финансирования биоразнообразия в глобальной экономике]. <https://research.lancaster-university.uk/en/publications/beyond-the-gap-placing-biodiversity-finance-in-the-global-economy>

Таблица: Социальные и экологические последствия рыночных инструментов задачи 19

Инструмент	Экологические последствия и опасения	Социальные последствия
Компенсационные меры и кредиты в сфере биоразнообразия	Неэквивалентность. Уникальные экосистемы и виды нельзя заменить компенсациями. Низкая дополнительность. Вознаграждается охрана природы, которая состоялась бы и без этого. Манипулирование исходным уровнем. Исходные показатели завышаются для имитации фиктивных, недополнительных природоохранных результатов. Перенос воздействия. Вредящая биоразнообразию деятельность может переместиться в другое место. Отсутствие постоянства. Результаты восстановления или охраны впоследствии могут быть утрачены. Экологическая гомогенизация. Незаменимые местообитания обмениваются на экосистемы с низким разнообразием. Финансализация природы. Природоохранная политика ставится в зависимость от прибыльности.	Утрата местных услуг. Местные экосистемные услуги уничтожаются, а их «компенсация» осуществляется далеко от пострадавшей общины. Захват земли элитами. Финансовые выгоды присваиваются землевладельцами или застройщиками, вытесняя традиционное или местное управление землями. Вытеснение. Общины могут перемещаться ради создания природоохранных территорий или из-за воздействий на их землях. Земельные конфликты. Лишение или ограничение обычных прав на землю и доступа к ресурсам, особенно затрагивающее уязвимые общины.
Платежи за экосистемные услуги (ПЭУ)	Низкая дополнительность. Например, выплаты за участки, которые землевладельцы и не собирались вырубать. Перенос воздействия. Вредная деятельность может переместиться за пределы договорной территории. Слабое постоянство. Охрана может не сохраниться после прекращения выплат. Риск монокультур. Плохо спроектированные выплаты могут поощрять быстрорастущие монокультуры чужеродных видов. Неэффективная охрана. Возможна из-за неточного выбора объектов, высоких транзакционных издержек, неясных прав владения и недостаточного мониторинга.	Подрыв земельных прав. Исключение людей без формально закреплённых прав на землю, ограничения доступа, спекуляция землёй и риск вытеснения. Разобщение общин. Неравное распределение выплат вызывает местное недовольство и подрывает нормы общинного совместного использования. Неравный доступ к выплатам. Структурные, правовые и экономические барьеры исключают маргинализированные группы. Коммодификация. Платежи могут превращать в товар культурно или духовно важные отношения с природой.
Зелёные облигации	Гринвошинг. Слабые таксономии и расплывчатые критерии допуска присваивают «зелёную» маркировку проектам с незначительной экологической пользой.	Исключение сверху вниз. Крупные институциональные долговые структуры благоприятствуют масштабным корпоративным земельным проектам в ущерб потребностям местных общин.

Инструмент	Экологические последствия и опасности	Социальные последствия
	Неопределённая дополнительность. Средства могут рефинансировать существующий долг или уже действующие проекты без дополнительной экологической пользы. Ограниченное влияние на эмитента. Финансирование отдельных проектов остаётся изолированным и не устраняет более широкую деградацию экосистем в масштабах корпорации. Слабая экологическая результативность. Её трудно оценить из-за слабых показателей воздействия, ограниченной проверки и недостаточного раскрытия информации. Несовпадение сроков. Сроки погашения облигаций не соответствуют длительным периодам, необходимым для постоянного сохранения биоразнообразия.	Отчуждение ресурсов. Проекты, финансируемые зелёными облигациями, могут ограничивать традиционный выпас и местные права на сбор ресурсов. Неравное распределение выгод и издержек. Выгоды в основном достаются инвесторам и корпорациям, а проектные издержки несут затронутые общины. Слабые защитные механизмы. Добровольные системы защиты недостаточны для предотвращения последствий финансируемых проектов для прав человека. Долговое бремя. Заимствования в иностранной валюте могут усиливать бюджетное давление в развивающихся странах, обременяя государственные финансы.

В действительности ни один из этих механизмов не нов. Схемы компенсаций биоразнообразия впервые появились в 1970-х годах,¹⁵ современные схемы ПЭУ развивались преимущественно в 1990-х,¹⁶ а первая зелёная облигация Всемирного банка была выпущена в 2008 году.¹⁷

До настоящего времени им в целом было трудно обеспечивать финансирование в необходимых масштабах. Во всех случаях расходы на измерение, мониторинг, проверку и проведение сделок снижают привлекательность инструментов и ограничивают объём капитала, который реально может через них проходить. Спрос также недостаточен и ненадёжен. Компенсационные меры и кредиты в сфере биоразнообразия ограничены отсутствием спроса, а ПЭУ часто зависят от государственных бюджетов или небольшого числа институциональных покупателей. Наконец, хотя зелёные облигации привлекли значительный капитал, лишь очень малая его часть поступает на биоразнообразие, а в некоторых

случаях они могут даже финансировать вредящие ему проекты.

Слон в комнате: изъяны рыночной логики применительно к природе

Каждая из «инновационных» схем финансирования ГРПБ использует различные компоненты рыночной логики, несостоятельные применительно к природе.

¹⁵ ОЭСР (2016). Biodiversity Offsets: Effective Design and Implementation [Компенсации биоразнообразия: эффективная разработка и реализация]. OECD Publishing, Paris. <https://doi.org/10.1787/9789264222519-en>

¹⁶ Valluri, D., Darteyron, L., and Laurans, Y. (2022). Paying foresters to provide ecosystem services? [Платить лесоводам за предоставление экосистемных услуг?]. WWF. https://www.wwf.fr/sites/default/files/doc-2022-10/Paying_foresters_to_provide_ES.pdf

¹⁷ The World Bank Impact Report. Sustainable Development Bonds & Green Bonds 2025 [Доклад Всемирного банка о воздействии. Облигации устойчивого развития и зелёные облигации 2025]. <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/6b19367b12a4f2fa49c4cc93b61cc88a-0340022026/original/World-Bank-IBRD-FY25-IMPACT-REPORT.pdf>

Рисунок: Применение рыночной логики к инновационным схемам финансирования задачи 19

Компенсации и кредиты биоразнообразия	Платежи за экосистемные услуги (ПЭУ)	Зелёные облигации
Экологическая утрата / прирост → Единица / кредит → Покупка	Экосистемная услуга → Условный платёж → Забота об экосистеме	Инвесторы → Эмитент / зелёная облигация → Зелёный проект
Компоненты рыночной логики Ценообразование: рыночные спрос и предложение на основе правил системы. Обмен: позволяет покупать, продавать или погашать единицы. Сертификация и стандарты: стандарты и таблицы эквивалентности призваны обеспечить сопоставимость и экологическую целостность. Спрос: регулируемые или добровольные покупатели — правительства и компании.	Компоненты рыночной логики Ценообразование: стремится перенести экономическую ценность на экосистемные услуги; уровни выплат определяются альтернативными издержками, переговорами или бюджетами. Обмен: покупатели платят поставщикам за услуги или управленческие действия. Сертификация и стандарты: зависят от программы. Спрос: создаёт стимул сохранять природу через платежи выгодополучателей — например, компаний и правительств.	Компоненты рыночной логики Ценообразование: финансовая доходность отражает кредитный риск и рыночные условия. Обмен: облигации торгуются на рынках капитала. Сертификация и стандарты: таксономии или рамочные системы определяют допустимую деятельность. Финансовый рынок: мобилизует долговое финансирование допустимых проектов. Спрос: инвесторы стремятся к финансовой доходности наряду с экологическими заявлениями.
Изъян: биоразнообразие зависит от места, уникально, многомерно и поэтому невзаимозаменяемо.	Изъян: общественные, культурные и внутренние ценности превышают то, что могут присвоить покупатели.	Изъян: лежащая в основе система недостаточно целостна и не гарантирует экологических результатов или устойчивости эмитента.

Почему рыночная логика плохо работает с природой

Невзаимозаменяемость: каждая экосистема уникальна.

Экологическая неопределённость: результаты трудно предсказать.

Длительные сроки: выгоды нередко охватывают поколения.

Общественные блага: их невозможно полностью присвоить в частном порядке.

Многомерные ценности: разнообразные ценности природы.

Дисбаланс власти: создание дальнейшего неравенства.

Главная проблема в том, что все эти механизмы рассматривают природу как актив для продажи, обмена или инвестирования и предполагают, что рыночные цены будут стимулировать охрану биоразнообразия. Наиболее очевидный изъян этой логики — рынку нет дела до природы, видов под угрозой исчезновения или хрупких экосистем. Рынки предпочитают проекты с привлекательной финансовой доходностью, тогда как многие выгоды биоразнообразия — устойчивость экосистем, ценность существования, генетическое разнообразие и выгоды для будущих поколений — являются общественными благами, которые трудно превратить в доход.

Такая логика особенно удобна для отраслей, разрушающих биоразнообразие: она позволяет им продолжать разрушать экосистемы, заявляя, что они вносят свой вклад — через компенсации, покупку кредитов или инвестиции в охрану природы в другом месте. Тем временем неотложное регулирование и ограничение разрушительной деятельности продолжает откладываться.

Эти механизмы также ослабляют ответственность правительств за охрану природы как общественного блага, перенося значительную часть ответственности с государственных на частных участников. Хотя охрана биоразнообразия — коллективная обязанность, которую правительства

должны выполнять через регулирование, государственные расходы и обеспечение соблюдения норм, рыночные инструменты могут представлять природу как нечто, чему можно назначить цену, что можно продать, компенсировать и профинансировать частными инвестициями. Это ослабляет политическое давление в пользу более строгого регулирования и государственных вложений.

Обоснование рыночных инструментов опирается на крайне упрощённое понимание связи денег и биоразнообразия. При этом упускается, что демократическое управление, предотвращение коррупции и корпоративного лоббирования, приоритет маломасштабного устойчивого развития с низким воздействием и проектов справедливого перехода должны быть важнее денег.

Природа слишком сложна, чтобы свести её к простой торгуемой финансовой единице. Превращение природы в товар также принципиально противоречит многим мировоззрениям коренных народов и традиционных обществ, понимающих природу как нашу мать — священное живое существо, а не товар для продажи или обмена.

Тактика ухода от остальных слонов

Призывы увеличивать финансирование со стороны частного сектора и продвижение рыночных инструментов как решения проблемы дефицита финансирования биоразнообразия — весьма удобные способы продемонстрировать определённые действия и приверженность охране биоразнообразия, избегая крупных вопросов, необходимых для устранения реальных факторов его утраты. Они используются как тактика уклонения от остальных слонов в комнате, описанных в докладе.

Когда главным вопросом становится восполнение дефицита финансирования, внимание переключается на создание кредитов, привлечение частного капитала, назначение цены экосистемным услугам и мобилизацию инвестиций. Это уводит от более политически трудного вопроса: почему биоразнообразие вообще разрушается? Основные причины — изменения землепользования, интенсивная добыча ресурсов, мегапроекты инфраструктуры, несправедливые торговые правила и неустойчивые модели производства и потребления — не устраняются предоставлением дополнительного природоохранного финансирования. Хотя его увеличение может воздействовать на симптомы, экономическая

деятельность, создающая давление на экосистемы, в основном остаётся нетронутой.

Компенсационные механизмы особенно проблематичны. Помимо опасного отвлечения внимания от реальных факторов утраты биоразнообразия, они устроены так, чтобы приносить прибыль от продажи разрешений на его разрушение. Если бы компенсации не признавались законным способом нейтрализовать экологический ущерб, разрушающие биоразнообразие отрасли и корпорации могли бы столкнуться с более строгим регулированием своего негативного воздействия.

В иерархии смягчения воздействий компенсация — последний шаг после исчерпания всех усилий по предотвращению, минимизации и восстановлению. Но на практике компании, разрушающие биоразнообразие, обычно сразу переходят к компенсациям, поскольку это дешевле вложений в более чистые технологии или менее вредные альтернативы.

Во всём мире у компенсационных проектов задокументированы многочисленные проблемы: манипулирование исходными уровнями, дополнительность, перенос воздействия и постоянство результатов, а также крупные скандалы с фиктивными компенсациями и нарушениями прав человека. В частности, компенсации биоразнообразия обеспечили очень ограниченные результаты из-за технических трудностей восстановления экосистем; при этом бездействие, которое позволяют эти механизмы, обходится окружающей среде очень дорого. Поэтому ограниченное прогнозируемое финансирование от таких компенсаций следует считать разрушающим биоразнообразие, а не поддерживающим его сохранение.

Несмотря на призывы гражданского общества прямо исключить компенсации из механизмов финансирования биоразнообразия,¹⁸ ни одна из основных международно согласованных систем ПЭУ, зелёных облигаций, природоориентированных решений (NbS), углеродных кредитов или кредитов биоразнообразия не вводит всеобщего запрета на компенсации.

Предлагаемые руководства, стандарты и принципы, призванные обеспечить высокую добросовестность рынков биоразнообразия, сами по себе не гарантируют, что эти механизмы не будут

¹⁸ Заявление гражданского общества о компенсационных мерах и кредитах в сфере биоразнообразия.
<https://www.biodmarketwatch.info/civil-society-statement>

легитимизировать или облегчать дальнейшее разрушение экосистем и нарушения прав человека. Такой гарантии не дают и социальные и экологические защитные механизмы, упомянутые в ГРПБ. Их эффективность в конечном счёте зависит от наличия сильных институциональных механизмов, способных независимо осуществлять мониторинг, реализацию, обеспечение соблюдения норм и ответственности. Они также должны предоставлять доступные способы подачи жалоб, правовой защиты и возмещения. Но действующие системы защиты в финансировании биоразнообразия часто ослаблены пробелами в независимом надзоре, правоприменении, подотчётности и доступе к средствам защиты.

Победители и проигравшие в рыночной игре

Рынок не распределяет выгоды и издержки равномерно. Напротив, он создаёт новый круг участников с асимметричными выгодами: разработка, сертификация, посредничество и продажа экологических активов могут быть прибыльнее реальной работы по охране и восстановлению экосистем.

Посредники — включая разработчиков проектов, брокеров, консультантов и финансовые учреждения — потенциально главные победители. Они выявляют, объединяют, упаковывают, сертифицируют и продают деятельность по сохранению и восстановлению биоразнообразия как инвестиционные активы, получая комиссии и другие формы накопленной стоимости на разных стадиях сделки. Напротив, люди и организации, непосредственно осуществляющие эту деятельность, получают лишь малую долю доходов.

Сертификационные агентства и органы стандартизации также занимают привилегированное положение на рынке, извлекая доход из разработки методик, валидации проектов, регистрации экологических активов и определения того, что считается экологическим результатом. Они также приобретают влияние, определяя, какие проекты попадут в круг потенциально торгуемых активов.

Страны с высоким уровнем доходов тоже выигрывают от рыночных инструментов, используя их для уклонения от финансовых обязательств перед странами Юга. Поэтому эти инструменты стали способом для стран Севера якобы продемонстрировать действия в области биоразнообразия, избегая более трудных вопросов финансовой ответственности, исторического

экологического воздействия, моделей потребления и перераспределения ресурсов в пользу Глобального Юга.

Рыночные инструменты также создают возможности финансирования для крупных международных природоохранных организаций, природоохранных НПО, консалтинговых компаний и других участников, способных посредничать между правительствами, инвесторами и местными общинами. Хотя многие из этих организаций играют важную роль в сохранении биоразнообразия, в своих действиях они могут отдавать предпочтение таким механизмам перед менее монетизированными формами охраны природы или общинного управления.

Хотя эти механизмы способны приносить дополнительный природоохранный доход, они вряд ли обеспечат необходимое стабильное, предсказуемое, достаточное и долгосрочное финансирование. В итоге правительства-получатели сталкиваются с нестабильными поступлениями и колеблющимися природоохранными стимулами, хотя от них ожидают предоставления институциональной инфраструктуры для работы механизмов.

Правообладатели — коренные народы, мелкие фермеры и местные общины — получают лишь небольшую часть финансовых выгод, хотя именно они заботятся об экосистемах, которые эти механизмы призваны финансировать. Кроме того, их реализация может иметь неожиданные экономические последствия для правообладателей: сокращение субсидий их экономической деятельности¹⁹ и ограничения доступа к земле, лесам, воде и природным ресурсам, включая лесные продукты.

В конечном счёте, поскольку рыночные правила легитимизируют и делают возможным дальнейшее разрушение, экосистемы и виды потенциально оказываются главными проигравшими. Хотя где-то ещё могут мобилизоваться определённые природоохранные средства, неотложные политические и экономические преобразования, необходимые для сохранения биоразнообразия, откладываются.

¹⁹ Horton, H. The Guardian (2023). Revealed: farmers received only tiny sum from post-Brexit sustainability fund last year [Выяснилось: в прошлом году фермеры получили лишь ничтожную сумму из фонда устойчивости после Brexit], 12 февраля 2023. <https://www.theguardian.com/environment/2023/feb/12/farmers-post-brexit-payments>; Farmers Weekly (2020). Defra confirms reductions in support for farmers [Defra подтверждает сокращение поддержки фермеров], 24 февраля 2020. <https://www.fwi.co.uk/business/payments-schemes/defra-confirms-reductions-in-support-for-farmers>

Настоящие решения для финансирования биоразнообразия лежат за пределами рынка

Прямой доступ к финансированию биоразнообразия для его хранителей

Один из приоритетов максимально эффективного использования ограниченных средств, доступных сегодня для биоразнообразия, — уменьшение числа посредников между поставщиками финансирования и хранителями биоразнообразия. Механизмы прямого доступа, эффективно направляющие ресурсы, могут также устранять административные узкие места, задерживающие неотложные экологические действия. Чем меньше звеньев проходит финансирование до участников на местах, тем больше они могут сделать для охраны и восстановления экосистем.

Это не просто вопрос эффективности, но и автономии и самоопределения местных участников. Такой подход позволяет общинам поддерживать собственные природоохранные приоритеты, а не перестраивать экономическую деятельность под требования международных финансовых механизмов.

Он также признаёт, что правообладатели — не просто получатели финансирования, а носители знаний с давними системами заботы о биоразнообразии и управления им. В сочетании с надёжными правами владения, свободным, предварительным и осознанным согласием и подходом на основе прав человека прямой доступ способен перераспределять не только деньги, но и власть в принятии решений.

Прекращение вредного финансирования и реформа международной финансовой архитектуры

Другой приоритет — прекратить финансирование разрушения биоразнообразия прежде, чем искать новые источники средств. Выполнение задачи 18 ГРПБ по сокращению вредных стимулов минимум на 500 млрд долларов США в год уменьшило бы финансовые стимулы разрушительной деятельности и одновременно высвободило бы средства, которые можно направить на биоразнообразие.

Порочные субсидии ежегодно обходятся в триллионы долларов США. По оценке ЮНЕП, в 2023 году около 7,3 трлн долларов поступили в деятельность, вредящую природе, включая 2,4 трлн экологически разрушительных государственных

субсидий ископаемому топливу, сельскому хозяйству и водопользованию.²⁰ Для сравнения: ОЭСР оценивала глобальный объём компенсаций биоразнообразия примерно в 6,9 млрд долларов США в год, а ПЭУ — в 10,1 млрд в год.²¹ При этом, по оценкам, совокупные продажи на добровольном рынке кредитов биоразнообразия к сентябрю 2024 года составили лишь от 325 000 до 1,87 млн долларов США.²²

Нынешняя международная финансовая архитектура должна быть реформирована. Долговое бремя, уклонение от налогов, незаконные финансовые потоки, неравный доступ к международному финансированию и торговые структуры жёстко ограничивают бюджетное пространство правительств Глобального Юга. Финансирование биоразнообразия нельзя отделять от вопросов долговой справедливости, международного налогообложения, торговли, финансирования развития и перераспределения мирового богатства.

Регулирование отраслей, разрушающих биоразнообразие

Третий приоритет — остановить утрату биоразнообразия у источника с помощью регулирования. Использование рыночно ориентированных и собственно рыночных инструментов обходится корпорациям дешевле, чем изменение деятельности ради снижения вреда биоразнообразию. Напротив, строгое экологическое регулирование может требовать от компаний прекращения или существенного сокращения воздействия, одновременно делая экологически разрушительную деятельность менее прибыльной или экономически нежизнеспособной.

Регулирование устанавливает границы разрешённого экономическим участникам. Оно делает это через юридические обязанности, стандарты, запреты или ограничения, не полагаясь главным образом на цены и не требуя создания торгуемого экологического актива или финансовой доходности. Регулирование способно учитывать и

²⁰ Программа ООН по окружающей среде (2026). State of Finance for Nature 2026: Nature in the red: Powering the trillion dollar nature transition economy [Состояние финансирования природы 2026: природа в минусе — обеспечение триллионной экономики перехода в интересах природы]. Nairobi. wedocs.unep.org/handle/20.500.11822/49119

²¹ ОЭСР (2023). A Decade of Development Finance for Biodiversity [Десятилетие финансирования развития для биоразнообразия]. OECD Publishing, Paris. <https://doi.org/10.1787/e6c182aa-en>

²² ОЭСР (2026). Mobilising Public and Private Finance for Biodiversity: Good Practices in Unlocking Capital for Nature [Мобилизация государственных и частных финансов для биоразнообразия: передовой опыт привлечения капитала для природы]. OECD Publishing, Paris. <https://doi.org/10.1787/e2b996a1-en>

ситуации, когда биоразнообразие попросту слишком ценно, уникально или экологически взаимосвязано, чтобы его можно было содержательно компенсировать через рынки.

Ни один кредит биоразнообразия не компенсирует отсутствие регулирования разрушительных отраслей; ни одна зелёная облигация не заменит достаточного государственного бюджета; ни один

платёж за экосистемную услугу не устранил неравенства землевладения и доступа к ресурсам.

Решение — не сделать биоразнообразие привлекательнее для финансовых рынков, а превратить его охрану в безусловную обязанность государства и обеспечить его хранителям ресурсы и полномочия для её выполнения.

РАЗМЫШЛЕНИЕ

МОЖЕТ ЛИ ФИНАНСИРОВАНИЕ БИОРАЗНООБРАЗИЯ СТАТЬ ПРЕОБРАЗУЮЩИМ БЕЗ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И НЕРАВЕНСТВУ?

Эйтор Делласта / Global Youth Biodiversity Network

Глобальная политика и дискурс в области биоразнообразия всё больше сосредоточиваются на восполнении дефицита финансирования, необходимого для достижения глобальных целей устойчивости. Этот доклад указал на несостоятельность такого нарратива, тесно связанного с акцентом на рыночные механизмы и коммерческие инвестиции и вызываемыми ими опасениями.^{23,24} Здесь мы присоединяемся к призывам перейти от простого восполнения финансовых пробелов к преобразующему подходу к финансированию биоразнообразия.²⁵

В нашем материале мы утверждаем, что чрезмерное внимание к восполнению дефицита финансирования биоразнообразия может заслонить более фундаментальную задачу реформы самой финансовой системы. Мы дополняем дискуссию, рассматривая, как принципы равенства и справедливости способны изменить финансовые решения и распределение ресурсов. Мы выделяем два взаимосвязанных измерения: институциональные реформы, обеспечивающие содержательное участие в принятии решений, и расширение прямого доступа к финансированию для хранителей биоразнообразия и

правообладателей. Они особенно важны для коренных народов, местных общин, женщин и молодёжи, чей вклад в сохранение биоразнообразия широко признан, но пока недостаточно отражён в финансовом управлении и распределении ресурсов.

Финансовые системы способствуют глубинным причинам утраты биоразнообразия и усиливают их

Преобразующие изменения выходят за пределы постепенных реформ, которые склонны воспроизводить или укреплять существующий порядок. Они требуют устранения глубинных причин утраты биоразнообразия, включая: (i) отделённость от природы и людей и господство над ними; (ii) концентрацию власти и богатства; (iii) приоритет краткосрочной индивидуальной и материальной выгоды.²⁶

Финансовая система глубоко встроена в эти процессы: она одновременно способствует им и формируется под их воздействием. Поэтому экономическое и политическое неравенство внутри системы влияет на то, кто обладает полномочиями принимать финансовые решения, кто выигрывает от распределения ресурсов, какие формы знания признаются и какие решения считаются законными или осуществимыми.

Во-первых, неравенство укрепляет господствующие представления об отношениях между людьми, природой и экономическим развитием. Участники с большей экономической и политической властью имеют больше

²³ Christiansen, J., Irvine-Broque, A., Dempsey, J., Nelson, S., Shapiro-Garza, E., Bigger, P., & Islar, M. (2025). Off the charts? Reasons to be skeptical of the growth in biodiversity finance [За пределами графиков? Причины скептически относиться к росту финансирования биоразнообразия]. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, 75, 101544. <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2025.101544>

²⁴ Mazzucato, M., & Vieira de Sá, R. (2025). Mind the mission, not the gap: Rethinking blended finance for public purpose [Главное — миссия, а не дефицит: переосмысление смешанного финансирования в общественных интересах]. Institute for Innovation and Public Purpose, University College London.

²⁵ Gonon, M., Svartzman, A., Althouse, J. (2024). Bridging the Gap in Biodiversity Financing. A review of assessments of existing and needed financial flows for biodiversity, and some considerations regarding their limitations and potential ways forward [Преодоление дефицита финансирования биоразнообразия. Обзор оценок существующих и необходимых финансовых потоков для биоразнообразия, их ограничений и возможных дальнейших путей]. Institute for Innovation and Public Purpose, University College London, Working Paper Series (IIPP WP 2024-10).

²⁶ Gurung, J., Leventon, J., Wickson, F., et al. (2024). Глава 1: Преобразующие изменения и устойчивый мир. В: Тематический доклад об оценке глубинных причин утраты биоразнообразия и факторов, определяющих преобразующие изменения, и вариантов достижения Концепции в области биоразнообразия на период до 2050 года. Межправительственная научно-политическая платформа по биоразнообразию и экосистемным услугам (IPBES). <https://doi.org/10.5281/zenodo.11382238>

возможностей формировать общественные представления и политическую повестку. Поэтому ответы на утрату биоразнообразия могут укреплять преобладающие природоохранные подходы, недостаточно представляя другие системы знаний и ценности.²⁷ Например, компенсации биоразнообразия и добровольные корпоративные и финансовые инициативы могут использоваться для легитимации добывающей деятельности, продолжающей угрожать биоразнообразию. Они создают иллюзию действий почти без доказательств широкого улучшения, одновременно представляя более преобразующие варианты ненужными.

Эти асимметрии также ограничивают способность других участников формировать политику биоразнообразия и участвовать в затрагивающих их решениях. Коренные народы, местные общины, женщины, молодёжь и более широкие социальные движения часто сталкиваются с делегитимацией, исключением и даже прямыми угрозами, когда противостоят деятельности и интересам, вызывающим утрату биоразнообразия. Продолжающееся насилие над экологическими защитниками показывает масштаб угроз: с 2012 по 2025 год во всём мире 2 375 защитников были убиты или пропали без вести,²⁸ многие — в связи с сопротивлением добывающей деятельности, включая горную добычу, лесозаготовки и агробизнес.

Во-вторых, концентрированная экономическая власть может направлять регуляторные и инвестиционные решения на защиту укоренившихся интересов и приоритет краткосрочной частной доходности над долгосрочными социальными и экологическими целями. Это включает представление бесконечного экономического роста как необходимого и полезного для всех, преуменьшение последствий экологической деградации и сохранение вредных субсидий,

направляющих капитал в добывающую деятельность.²⁹

Эти закономерности отражаются в распределении финансовых ресурсов, при котором общественные, коллективные и общинные интересы остаются сравнительно недофинансированными. Ежегодные глобальные выплаты в поддержку прав коренных народов и местных общин на владение территориями и управление лесами составляют менее 1% официальной помощи в целях развития. При этом почти нет свидетельств систематического перехода международных доноров к более прямому финансированию.³⁰ Данных о доступе женщин и молодёжи к финансированию биоразнообразия ещё меньше, а имеющиеся оценки показывают, что молодёжные инициативы часто зависят от недостаточного, краткосрочного или административно обременительного финансирования.³¹

Равенство и справедливость должны направлять финансовые системы к преобразующим изменениям

Преодоление этих трудностей требует преобразующих способов мышления, действий, организации, управления, построения отношений и познания в разных контекстах и масштабах. **Равенство и справедливость занимают центральное место в этой трансформации,**³² требуя справедливости и в принятии решений, и в распределении финансовых ресурсов. Это включает два тесно связанных измерения: содержательное участие в принятии решений и прямой доступ к финансированию.

Содержательное участие может помочь противостоять концентрации богатства и власти и отношениям господства над людьми и

²⁷ Frantzeskaki, N., Lambertucci, S., Carr, E., et al. (2024). Глава 4: Преодоление трудностей достижения преобразующих изменений на пути к устойчивому миру. В: Тематический доклад об оценке глубинных причин утраты биоразнообразия и факторов, определяющих преобразующие изменения, и вариантов достижения Концепции в области биоразнообразия на период до 2050 года. IPBES. <https://doi.org/10.5281/zenodo.11382246>

²⁸ Global Witness (2026). Defenders annual report 2026. Collective Power: the struggle for protection for land and environmental defenders [Ежегодный доклад о защитниках 2026. Коллективная сила: борьба за защиту защитников земли и окружающей среды]. Global Witness.

²⁹ Frantzeskaki, N., Lambertucci, S., Carr, E., et al. (2024).

³⁰ Rights and Resources Initiative & Rainforest Foundation Norway (2025). State of funding for tenure rights: Donor funding for Indigenous Peoples, local communities, and Afro-descendant Peoples (2011–2024) [Состояние финансирования прав владения: донорское финансирование коренных народов, местных общин и народов африканского происхождения в 2011–2024 годах].

³¹ Global Youth Biodiversity Network (2026). Ecologies of Empowerment: how and why to fund youth-led biodiversity action [Экологии расширения возможностей: как и зачем финансировать действия молодёжи в области биоразнообразия]. Global Youth Biodiversity Network. <https://reports.gybn.org/ecologies-of-empowerment>

³² Gurung, J., Leventon, J., Wickson, F., et al. (2024).

природой. Для этого необходимо признать легитимность систем знаний, мировоззрений, ценностей и практик управления, исторически вытесненных на периферию политических и финансовых процессов.³³ Например, коренные народы и местные общины часто опираются на целостное понимание взаимосвязей людей, биоразнообразия и духовности, а женщины и молодёжь могут привносить взгляды, основанные на заботе, межпоколенческой ответственности и бережном управлении.

Включение этих взглядов в принятие решений способно не только расширить представительство, но и перераспределить влияние, поставить под вопрос господствующие институциональные механизмы и нарративы и расширить круг решений, считающихся законными и осуществимыми. Тем самым больший плюрализм может укрепить справедливость и легитимность финансовых решений и поддержать более долгосрочные, справедливые и устойчивые пути.

Равенство и справедливость также требуют преодоления неравенства доступа к финансовым ресурсам и контроля над ними и, следовательно, преобразования организации и осуществления действий по биоразнообразию. Это означает создание институционального пространства для правообладателей и укоренённых на местах участников, которые уже поддерживают или развивают практики, отличающиеся от господствующих неустойчивых моделей, одновременно укрепляя их способность самостоятельно распоряжаться ресурсами и осуществлением.³⁴ Например, коренные народы и местные общины управляют обширными экологически важными территориями или обладают правами владения ими; эти территории поддерживают высокий уровень биоразнообразия и испытывают меньшие темпы экологической деградации.³⁵ Такие «территории

жизни» создают широкий спектр социальных и экологических благ в разных регионах и экосистемах.³⁶ Организации гражданского общества, женские и молодёжные движения также вносят вклад, противостоя разрушительной деятельности, разоблачая вредные корпоративные практики и разрабатывая коллективные ответы и социальные инновации.^{37,38}

Расширение прямого доступа к финансированию может укрепить существующие возможности охраны природы, территориального управления и сопротивления экологически разрушительному давлению. Вместо того чтобы считать правообладателей прежде всего получателями разработанных извне вмешательств, преобразующие финансовые системы должны признавать их движущей силой изменений и хранителями своих территорий и ресурсов. Для коренных народов и местных

³³ Gosnell, H., Reyes-Garcia, V., Zinngrebe, Y., et al. (2024). Глава 5: Создание устойчивого мира для природы и людей: преобразующие стратегии, действия и роли для всех. В: Тематический доклад об оценке глубинных причин утраты биоразнообразия и факторов, определяющих преобразующие изменения, и вариантов достижения Концепции в области биоразнообразия на период до 2050 года. IPBES. <https://doi.org/10.5281/zenodo.11382248>

³⁴ Gosnell, H., Reyes-Garcia, V., Zinngrebe, Y., et al. (2024).

³⁵ Fernández-Llamazares, Á., Fa, J. E., Brockington, D., Brondízio, E. S., Cariño, J., Corbera, E., Ferrari, M. F., Kobe, D., Malmer, P., Márquez, G. Y. H., Molnár, Z., Tugendhat, H., & Garnett, S. T. (2024). No basis for claim that 80% of biodiversity is found in Indigenous territories [Нет оснований утверждать, что

80% биоразнообразия находится на территориях коренных народов]. *Nature*, 633, 32–35. <https://doi.org/10.1038/d41586-024-02811-w>

³⁶ ICCA Consortium (2021). Territories of Life Report. Executive Summary [Доклад «Территории жизни». Резюме]. ICCA Consortium: worldwide. report.territoriesoflife.org

³⁷ Walter, M., Scheidel, A., Vadez, C., Bene, D.D., Temper, L., Fanari, E., Reyes-Garcia, V. (2026). Social movements are transformative agents for biodiversity conservation [Социальные движения как движущая сила преобразований в сохранении биоразнообразия]. *Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A.* 123(4), e2513327123. <https://doi.org/10.1073/pnas.2513327123>

³⁸ Tauli, J.C., Dellasta, H.P. Biodiversity needs a youth movement rooted in social–ecological justice [Биоразнообразие необходимо молодёжное движение, основанное на социально-экологической справедливости]. *Nat. Rev. Biodivers.* 2, 284–286 (2026). <https://doi.org/10.1038/s44358-026-00154-0>

общин это способно реализовать право на самоопределение и защитить системы знаний и подходы к территориальному управлению. Для женщин и молодёжи это может помочь преодолеть гендерное и межпоколенческое неравенство через более справедливое распределение ресурсов и большую самостоятельность в их использовании.

Возможные пути к преобразующим финансовым системам

Мы утверждаем, что подход, сосредоточенный на дефиците финансирования, может ограничивать более глубокое обсуждение роли самой финансовой системы и что для преобразующих изменений необходимы фундаментальные финансовые сдвиги. Приверженность равенству и справедливости требует и процессов принятия решений, признающих разнообразные способы ценить, познавать биоразнообразие и жить с ним, и более прямого и справедливого доступа к финансовым ресурсам.

Для улучшения финансовых решений международные финансовые учреждения и многосторонние экологические фонды должны перейти от консультаций к постоянному официальному представительству коренных народов, местных общин, женщин и молодёжи в советах, правлениях и других органах управления. Платформы правообладателей также следует вовлекать на протяжении всего цикла финансовых решений, а не консультироваться с ними лишь после разработки проектов. Это включает определение финансовых приоритетов, критериев допуска и распределения, отбор проектов и надзор за осуществлением, мониторингом и оценкой.

Для расширения прямого доступа многосторонним экологическим фондам и донорам следует создать специальные окна финансирования, через которые коренные народы, местные общины и организации под руководством женщин и молодёжи смогут получать ресурсы и управлять ими без обычных учреждений-исполнителей в качестве посредников. Такой доступ должен сопровождаться финансированием институционального развития и подготовки, укрепляющим фидуциарные, технические и

мониторинговые возможности для эффективного получения средств и управления ими.

Там, где прямой доступ пока невозможен, фонды могли бы работать через доверенных посредников, выбранных правообладателями или подотчётных им.

Прямое финансирование должно также поддерживать переход от краткосрочных проектных грантов к более гибкому, предсказуемому и долгосрочному финансированию постоянной заботы о природе.

РАЗМЫШЛЕНИЕ

ОТВЕЧАЕТ ЛИ ФИНАНСИРОВАНИЕ БИОРАЗНООБРАЗИЯ СВОЕМУ НАЗНАЧЕНИЮ?

Амелия Аррегин Прадо / Женская группа КБР и Гендерная рабочая группа Комиссии МСОП по экологической экономической и социальной политике

Отвечает ли финансирование биоразнообразия своему назначению, зависит от того, как мы понимаем это назначение. Если успех измеряется главным образом мобилизованным капиталом, новыми финансовыми инструментами или привлечёнными частными инвестициями, ответ может быть одним. Но если цель — поддерживать и восстанавливать биоразнообразие и социальные и экологические условия, от которых зависит жизнь, нужна иная оценка.

Феминистская экономика и политическая экология предлагают полезную оптику, обращаясь не только к производству, росту, прибыли и финансовой доходности, но и к процессам, которые действительно поддерживают жизнь: социальному воспроизводству — заботе, труду, знаниям, отношениям и времени — и его взаимозависимости с экологическим воспроизводством — живыми системами и процессами, от которых зависят человеческая жизнь и экономика.³⁹

Ошибочность превращения природы в инвестиционный объект

Одним из ответов на историческую экономическую невидимость природы стало повышение видимости её ценности для рынков: измерение и монетизация экологических функций и создание новых возможностей получать финансовую доходность за счёт природы.⁴⁰ Но признание ценности — не то же самое, что создание товара. Как предполагает экономика заботы, мы не стали бы решать

проблему невидимости неоплачиваемого ухода, превращая каждое отношение заботы в торгуемый финансовый актив. Почему же признание ценности природы непременно должно требовать превращения экосистем в инвестиционные объекты?

Это противоречие позволяет перевернуть вопрос, лежащий в центре значительной части дискуссии о финансировании биоразнообразия. Вместо «Как сделать биоразнообразие достаточно прибыльным для финансов?» мы можем спросить: «Как сделать финансы и экономику в целом совместимыми с социальным и экологическим воспроизводством жизни?»

Задача — не перестроить природу под нужды финансовых рынков, а перестроить экономические и финансовые системы так, чтобы они действовали в экологических пределах и поддерживали, а не подрывали условия, делающие жизнь возможной.

Изменение правил

На макроуровне нужны четыре сдвига. Во-первых, **переосмысление ценности**: рыночная стоимость — лишь один из способов понимания природы наряду с экологическими, социальными, культурными, духовными ценностями и ценностями отношений.⁴¹ Поэтому финансирование биоразнообразия следует оценивать не только по привлечённому капиталу или финансовой доходности, но и по воздействию на экологическую целостность, права и благополучие человека, устойчивость и распределение выгод и издержек. Во-вторых, **регулирование и правоприменение**: вместо надежды, что цена природы сможет конкурировать с прибыльностью её разрушения, правительства должны устанавливать

³⁹ Hackfort, S., Saave, A. & Wichterich, C. (2025). Nature, care, and (re)productivity: feminist perspectives on sustainability and the bioeconomy [Природа, забота и (вос)производительность: феминистские взгляды на устойчивость и биоэкономику]. Sustainability: Science, Practice and Policy, 21(1).

⁴⁰ Ouma, S., Johnson, L. & Bigger, P. (2018). Rethinking the financialization of 'nature' [Переосмысление финансиализации «природы»]. Environment and Planning A: Economy and Space, 50(3), 500–511.

⁴¹ IPBES (2022). Методологический доклад об оценке разнообразных ценностей природы и её стоимостной оценки. Секретариат IPBES, Бонн.

экологические пределы и регулировать экономических и финансовых участников, делая разрушительную деятельность юридически или экономически нежизнеспособной.⁴²

В-третьих, **перенаправление существующих финансовых потоков**, а не сосредоточенность только на привлечении дополнительных ресурсов. Одни лишь экологически вредные субсидии превышают 2 трлн долларов США в год, демонстрируя масштаб средств, которые можно перенаправить на биоразнообразие и социальные цели.⁴³ Наконец, **перераспределение**: дефицит финансирования биоразнообразия — вопрос не только объёма имеющихся денег, но и того, где находятся ресурсы, кто их контролирует и куда они направляются. Налогообложение, долговая справедливость и международные финансовые механизмы определяют способность стран инвестировать в биоразнообразие и социальные приоритеты, делая перераспределение неотъемлемой частью дискуссии о его финансировании.⁴⁴

Финансирование условий, поддерживающих биоразнообразие

Эти изменения на макроуровне должны сопровождаться преобразованием того, что финансируется и как ресурсы достигают территорий. Финансирование биоразнообразия должно поддерживать социально-экономические условия, делающие возможными сохранение, восстановление и устойчивое использование, признавая неотделимость заботы об экосистемах от повседневной жизни. Доступ к воде, здравоохранению, уходу, образованию, стабильному доходу, правам на землю, инфраструктуре и времени определяет способность людей поддерживать экосистемы и участвовать в управлении биоразнообразием и действиях по его сохранению, а потому должен быть гарантирован.⁴⁵ Одновременно ресурсы должны более прямо поступать тем, кто уже поддерживает экосистемы, — женщинам и их организациям, коренным народам, местным общинам и общинам африканского происхождения и другим укоренённым на местах участникам, — исходя из их прав, систем знаний

⁴² Ouma, S., Johnson, L. & Bigger, P. (2018). Rethinking the financialization of 'nature' [Переосмысление финансиализации «природы»]. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 50(3), 500–511.

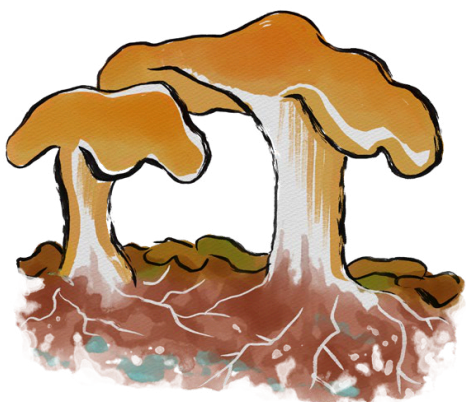
⁴³ Gerasimchuk, I., Doan, D., McConnell, C., Urazova, I., Ullah, F., Laan, T., Tipping, A. & Morra, F. (2025). *Reforming Environmentally Harmful Subsidies: A Playbook* [Реформирование экологически вредных субсидий: практическое руководство]. International Institute for Sustainable Development.

⁴⁴ Dempsey, J., Irvine-Broque, A., Bigger, P. et al. (2022). Biodiversity targets will not be met without debt and tax justice [Цели в области биоразнообразия не будут достигнуты без долговой и налоговой справедливости]. *Nature Ecology & Evolution*, 6, 237–239.

⁴⁵ Hackfort, S., Saave, A. & Wichterich, C. (2025). Nature, care, and (re)productivity: feminist perspectives on sustainability and the bioeconomy [Природа, забота и (вос)производительность: феминистские взгляды на устойчивость и биоэкономику]. *Sustainability: Science, Practice and Policy*, 21(1).

и приоритетов, а не финансовых механизмов, разработанных извне.⁴⁶

Финансирование биоразнообразия также должно признавать и поддерживать труд по заботе об экосистемах, а не предполагать, что его можно полностью охватить одними «зелёными рабочими местами». Сохранение семян, агроэкология, восстановление, общинное лесное хозяйство, устойчивое рыболовство, мониторинг и передача знаний требуют труда, знаний и времени, которые часто остаются экономически невидимыми.⁴⁷ Но признание не должно означать превращения в товар. Задача — предоставить государственные ресурсы и экономическую защищённость, позволяющие продолжать эту работу, не превращая отношения заботы о территориях и экосистемах в рыночные сделки.

В конечном счёте кто решает, что имеет ценность?

За всеми этими уровнями стоит более глубокий вопрос: кто обладает властью решать, какова ценность природы и что ценится больше всего? Получать выгоды от финансирования биоразнообразия, иметь к нему доступ и обладать властью над ним — разные вещи. Укоренённые на местах участники, включая женщин, коренные народы и местные общины, по-прежнему значительно недопредставлены в органах управления многих фондов, предназначенных для их поддержки.⁴⁸ Поэтому перераспределение ресурсов должно также означать перераспределение власти решать, что финансировать, как распределять средства и какие результаты важны.

Это ставит и ещё более фундаментальный вопрос: кто определяет, что обладает ценностью? Финансиализация может отдавать предпочтение тому, что измеримо, монетизируемо и пригодно для инвестирования, тогда как отношения с природой могут основываться также на правах, ответственности, взаимности, идентичности, заботе и обязательствах перед будущими поколениями.⁴⁹

Альтернатива финансиализации природы — не отсутствие финансов: сохранение, устойчивое использование и восстановление требуют ресурсов. Вопрос — какую роль должны играть финансы и по чьим правилам. Вместо того чтобы делать биоразнообразие всё прибыльнее для финансовых рынков, нужно сделать его разрушение экономически и юридически нежизнеспособным, одновременно создавая материальную возможность заботиться о жизни, восстанавливать и возрождать её. **В конечном счёте не финансы должны определять, что стоит поддерживать, а наше коллективное понимание того, что поддерживает жизнь, должно определять направления финансовых потоков.**

⁴⁶ Hill, R., Jarvis, D., Maclean, K. et al. (2025). Community-based approaches to biodiversity finance [Общинные подходы к финансированию биоразнообразия]. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, 73, 101521.

⁴⁷ Gutiérrez-Zamora, V. & Ramcilovic-Suominen, S. (2026). Ecological care work in bamboo value chains: Feminist political ecology insights to care in forest-human relations [Труд по экологической заботе в цепочках стоимости бамбука: взгляд феминистской политической экологии на заботу в отношениях леса и человека]. *Environment and Planning E: Nature and Space*, 9(3), 983–1007.

⁴⁸ Degawan, M., Waithira, M. & Holland, E. (2022). Indigenous Peoples, local communities underrepresented in governance of nature funding [Коренные народы и местные общины недостаточно представлены в управлении финансированием природы]. International Institute for Environment and Development.

⁴⁹ IPBES (2022).

Усилия по прекращению утраты биоразнообразия и дальше будут недостаточными, если правительства не начнут всерьёз противостоять структурным силам, продолжающим стимулировать и поощрять разрушение окружающей среды.

Этот доклад выделяет четырёх «слонов в комнате»: правила экономической и финансовой системы, вредные финансовые потоки, захват регулирования корпорациями и изъяны рыночной логики применительно к биоразнообразию.

Мы не сможем успешно преодолеть кризис биоразнообразия, пока эти слоны остаются без внимания.

В СОЛИДАРНОСТИ

TWN
Third World Network

RAINFOREST
ACTION NETWORK

CBD Women

Global Youth
Biodiversity
Network

Friends of
the Earth
International